

ЛЮБИМОЕ ЧТЕНИЕ

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

От Москвы до Берлина

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

Annotation

Автор этой книги – известный писатель, лауреат Государственных премий СССР и России, Сергей Петрович Алексеев – участник Великой Отечественной войны, и каждый его рассказ – еще один штрих войны, еще одна боль о погибших друзьях, еще один поклон победителям.

- [Сергей Алексеев](#)
  - [Сергеев Алексей](#)
  - [Глава первая](#)
    - [Холм Жирковский](#)
    - [Вязьма](#)
    - [Генерал Жуков](#)
    - [Тульские пряники](#)
    - [«Знай наших!»](#)
    - [Орлович-Воронович](#)
    - [Отдельный танковый батальон](#)
    - [Испаряются](#)
    - [«Барон Мюнхаузен»](#)
    - [Ух ты, мама!](#)
    - [Доватор](#)
    - [Пасть](#)
  - [Глава вторая](#)
    - [«Гвоздильный завод»](#)
    - [Буль-буль](#)
    - [Мамаев курган](#)
    - [Злая фамилия](#)
    - [Данко](#)
    - [Сталинградская оборона](#)
    - [Геннадий Сталинградович](#)
    - [Два друга](#)
    - [«Хендехохнули!»](#)
    - [Фельдмаршал Паулос и другие](#)
  - [Глава третья](#)
    - [Спешит посыльный](#)
    - [История с Барманцаком](#)
    - [Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии](#)

- [Шашлык по-кавказски](#)
- [Лист осенний](#)
- [Двенадцать тополей](#)
- [«Ахтунг! Ахтунг!»](#)
- [Кобрик и Киттихаук](#)
- [Гадание на Ромашкине](#)
- [«Бабушка в окошке»](#)
- [«Кримгильда» и «Брунгильда»](#)
- [Глава четвёртая](#)
  - [Вальс Добрянского](#)
  - [Курские соловьи](#)
  - [Москва – Иркутск](#)
  - [Чёрный день](#)
  - [Обида](#)
  - [Вниз и вверх](#)
  - [«Кутузов»](#)
  - [«Румянцев»](#)
  - [Кто лучше сражался](#)
- [Глава пятая](#)
  - [Тройка](#)
  - [Учитель](#)
  - [Особое задание](#)
  - [«Крокодил»](#)
  - [Богатырские фамилии](#)
  - [Константиновский рavelин](#)
  - [Безупречный](#)
  - [Мы пришли, Севастополь!](#)
  - [Матросское сердце](#)
- [Глава шестая](#)
  - [Разгрузка-погрузка](#)
  - [Семь потов](#)
  - [«Дорога жизни»](#)
  - [Праздничный обед](#)
  - [Таня Савичева](#)
  - [Шуба](#)
  - [Медицинское задание](#)
  - [Трамвай](#)
  - [Гнедой](#)
  - [Порожки](#)

- [Глава седьмая](#)
    - [Восточный вал](#)
    - [Село Шендеровка, село Комаровка](#)
    - [Новые погоны](#)
    - [«Багратион»](#)
    - [«Инженерная операция»](#)
    - [Хатынь](#)
    - [Мишка](#)
    - [Доложить!](#)
    - [Фаталисты](#)
  - [Глава восьмая](#)
    - [Ночь. Три часа по берлинскому времени](#)
    - [ДЫМЫ](#)
    - [Под Штеттином](#)
    - [На Берлин идут машины](#)
    - [Из Англии? Из Америки?](#)
    - [Олени](#)
    - [Гвардейский разговор](#)
    - [«Данке шён»](#)
    - [Бронзой поднялся в небо](#)
    - [Центральное направление](#)
    - [Золу развеял... Рассеял гарь](#)
    - [Последние метры война считает](#)
    - [Победа](#)
-

Сергей Алексеев
От Москвы до Берлина

Сергеев Алексей

Дорогие ребята!

Эта книга о том, как мы победили немецких фашистов. Шёл 1941 год. На рассвете 22 июня враги вероломно напали на нашу Родину. Фашисты хотели захватить наши земли и поработить наших людей. Началась Великая Отечественная война народов Советского Союза (так в те годы называлась наша страна) за свою свободу и независимость.

Для нас война началась неудачно. Враги напали неожиданно. Фашисты были сильнее. Лучше вооружены. Наши армии отступали.

Трудным был путь к победе. Вся страна сражалась с фашистами. Шли бои на земле, в небе, на море. Прогрели великие битвы: Московская, Сталинградская, битва на Курской дуге. 250 дней не сдавался врагам Севастополь, героический Севастополь. 900 дней в страшной блокаде стойко держался Ленинград. Отважно сражался Кавказ. На Украине, в Белоруссии, в других местах громили захватчиков партизаны. Миллионы людей, в том числе и дети, самоотверженно трудились у заводских станков и в полях страны. Враг был сломлен. Фашисты отступали, но упорные бои продолжались.

Весной 1945 года наши войска подошли к столице фашистской Германии – городу Берлину. Началась последняя из грандиозных битв Великой Отечественной войны. Берлин был взят штурмом. Фашистская Германия признала полное своё поражение.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся парад Победы. Шли, шли по Красной площади воины-победители. Потом вдруг одна из рот резко остановилась, повернулась лицом к Кремлёвской стене и швырнула на землю знамёна побеждённых фашистов. А вечером был салют. Взлетали, взлетали, взлетали над торжествующей Москвой разноцветные огни. Казалось, сама радость взлетала в небо.

Вместе с нами против фашистов сражались и другие государства: Соединённые Штаты Америки, Англия, Франция, Югославия, Польша, другие страны. Они были нашими союзниками и очень помогли нам в борьбе с врагами.

Хорошо помню первый день этой страшной войны. Я был молод, только что закончил московскую десятилетку, был принят в школу военных лётчиков. Наша школа находилась далеко на западе страны, рядом с

советско-германской границей. В первый же день войны мы вступили в бой с фашистами. Нас было сто человек москвичей. Почти все мои друзья в этом бою погибли.

Завершилась война. Я стал детским писателем. Начали выходить мои первые книги: «Небывалое бывает», «История крепостного мальчика», «Рассказы о Суворове и русских солдатах», «Птица-слава», «Сто рассказов из русской истории». Мне очень хотелось написать книгу для детей о войне с фашистами. Она всё не получалась, не получалась. Давила память о прошлом. Боль о погибших друзьях и товарищах. Писал книгу долго, мучительно. Годами и годами. Рассказ за рассказом.

Каждый рассказ – ещё один штрих войны.

Ещё одна боль.

Ещё одна радость наших военных успехов.

Ещё один поклон победителям.

Книга о Великой Отечественной войне стала самой дорогой, самой святой для меня книгой.

Всё меньше и меньше остаётся людей моего возраста. Встают новые травы. Рождаются новые поколения.

Дорогие ребята! Вы молоды. Вся ваша жизнь впереди. Желаю вам много счастья. Пусть минуют вас беды и войны. Пусть окружают вас люди, подобные героям этой книги. Любите своих родителей, свой дом, свою школу, свою великую Родину. Любите, и она вам ответит тем же.

Итак, перед вами книга о бессмертном подвиге нашего народа. Переверните страницу, и вы уже на полях сражений, среди битв и героев великой войны с фашистами.

Глава первая

Конец «Тайфуна»

Холм Жирковский

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» – назвали фашисты план своего наступления. Тайфун – это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Схватить советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолётов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление.

На одном из главных участков фронта фашистские танки двигались на населённый пункт Холм Жирковский.

Подошли к посёлку фашисты. Смотрят. Что он танкам – какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

– Форвертс! Вперёд! – прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: – Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищал Холм Жирковский вместе со всеми солдат Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Засели солдаты в окопах.

Ползут на окопы фашистские танки. Один прямо идёт на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе немецкий танк.

– Бросай, бросай, – шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин.

– Бросай же, леший тебя возьми! – уже не шепчет – кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал ещё минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату. Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся.

Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

– Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам.

Рассмеялись солдаты и снова в бой.

Слева и справа идёт сражение. Не пропускают герои танки.

Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.

К исходу суток пришёл приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идёт Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты – батюшка свет! – всё поле в подбитых танках: земли и металла сплошное месиво.

Кто-то сказал:

– Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.

– Не Жирковский, считай, Жарковский, – кто-то другой поправил.

Посмотрели солдаты опять на поле:

– Конечно же, Холм Жарковский!

Слева, справа идут бои. Всюду фашистам жарко, всюду Холмы Жарковские.

Вязьма

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты.

Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – рапортуют фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

Вот смелый один нашёлся.

– Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... – Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлётся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застряли враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – докладывают фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

– Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, – пытается что-то сказать тот, смелый. – Наш Фридрих Великий ещё сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гневе великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?!

– Нет, – за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих ещё сказал...

Слушает Гитлер:

– Ну, ну так что же сказал наш Фридрих?

– Фридрих Великий сказал, – повторил генерал, – русских нужно дважды застрелить. А потом ещё и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь на полях, на холмах под Вязьмой сотни лежат героев.

Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

Генерал Жуков

Командующим Западным фронтом – фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

– Вот тут, – докладывают, – у Юхнова, западнее города... – и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

– Нет, нет, не здесь они, а вот тут, – поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивлённо на Жукова смотрят.

– Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, – говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

– Вот тут, – находят на карте город Медынь, – на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, – и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

– Так, так, правильно, – говорит Жуков. – Только силы не вот здесь, а вот тут, – уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивлённо на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

– Слушаю дальше, – сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какая боевая обстановка у города Калуги.

– Вот сюда, – говорят офицеры, – к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

– Нет, – возражает Жуков. – Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, – и показывает новое место на карте.

Удивились штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

– Не сомневайтесь. Всё именно так. Вы молодцы – обстановку знаете, – похвалил Жуков штабных офицеров. – Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под

Медынью, и под Калугой. Прежде чем в штаб – поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков – выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других советских генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и вовсе разбили напавших на нас фашистов.

Тульские пряники

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с Советской Армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула – город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренёк, находчивый, весёлый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошёл к готовым минам. Наклейки на мины – шлёп, шлёп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

– Вот так фашистам «сладость».

– Фрицам хорош «гостинец».

Ушли мины на передовую к защитникам города. Возводят сапёры на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах – «тульский пряник».

Смеются солдаты:

– Ай да «сюрприз» фашистам!

– Ай да «гостинец» фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждём новую партию „тульских пряников“».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Всё, что из Тулы приходило теперь на фронт – снаряды и патроны,

миномёты и мины, – стали называть они тульскими пряниками.

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да всё напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» хороши!

«Знай наших!»

Явилась она, как птица. Словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их – сотни, а то и тысяча. К новой атаке тут сборный пункт.

Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

– Э-эх, картечью бы в это месиво.

– Верно – картечью, – подтверждает второй.

– Да, картечью бы в самый раз, – соглашается кто-то третий.

Размечтались солдаты.

– Эх бы пушку сюда, – произнёс один.

Второй добавляет:

– А к ней – снаряды.

– И смелых ребят к орудию, – включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Протёрли глаза солдаты – считай, мерещится. Нет! Всё настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

Смотрят солдаты на пушкарей. Словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей и ближе к фашистам – на полном карьере – слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают: куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрали. Пока разбирались – упряжка рядом. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

– Ну, знай наших! – прокричал офицер. – Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

– Знай наших! Знай наших! – кричал офицер. – Огонь! Огонь!

Третий выстрел. Четвёртый. Поднял снежные вихри пятый.

– Знай наших! Знай наших!

Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились

вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулемётным огнём солдаты. Довершили отважное дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из вида. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» – вот и всё, что на память об отважных бойцах осталось.

Орлович-Воронович

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперёд фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кульчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими. Насмерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Выбивают фашистских солдат и фашистскую технику.

Как-то после тяжёлого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О лётчиках речь, о танкистах – вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах мечтает. Только не танкист Воронович, не лётчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат. Где уж такому мечтать о подвиге!

И вдруг порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идёт Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилёг Воронович на землю. Зорче ещё всмотрелся. Видит – у танков в кружок собрались фашисты. Соображает солдат – привал у врагов. И верно – достали фашисты еду.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Ещё громче забилось сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперёд – там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе. Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперёд! Не мешкай, солдат. Вперёд!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты.

– Один – и четыре фашистских танка. Орёл! Орёл! – смеялись солдаты. – Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!

Отдельный танковый батальон

Продолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжёлые бои идут у посёлка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут солдаты. Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи. Все резервы давно в бою.

Всё тяжелее дела под Крюковым. Снова звонят командиры начальникам.

– Хорошо, – говорят начальники. – Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие. Словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошёл танкист к командиру полка, руку к шлему поднёс, представился:

– Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен – нет сил – командир полка. Мало того, что доволен – счастлив. Обнял офицера:

– Спасибо, браток, спасибо. – И сразу конкретно к делу: – Сколько в батальоне танков?

– Одна машина, – отвечает танкист. И небесной лазурью на командира смотрит.

– Сколько-сколько? – не верит своим ушам командир полка.

– Одна машина, – повторяет танкист. – Одна осталась... Танк типа «Т-37».

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые... Вся радость с лица у командира полка – словно кто-то огромный дунул – секундой слетела. Танк «Т-37» самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемёт – вот и всё вооружение. Броня толщиной с мизинец.

– Жду боевую задачу, – сказал танкист.

«Катись к чёрту – вот и вся боевая задача», – хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя осилил.

– Направляйтесь в распоряжение первого батальона, – сказал командир

полка.

Этот батальон больше всего и атаковали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте поддержит бронёй пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видят броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идёт к солдату – прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперёд фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой ещё четыре. Теперь уж не только первому батальону – всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист – молодой, возбуждённый, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью.

Подошёл к танкисту командир полка, крепко обнял героя:

– Спасибо, браток, спасибо. Вижу, что прибыл действительно танковый батальон.

Испаряются

По-прежнему рвутся вперёд фашисты. Однако непросто даётся врагам победа. Прорвали фашисты советский фронт под городом Наро-Фоминском.

Торжествуют фашистские генералы:

– Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрее в Берлин: «Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать... Деревня Акулово. Здесь, под Акуловом, встретил врагов заслон. Разгорелся смертельный бой.

Был у фашистов один лейтенант. Своеобразно любил докладывать. Прибыл лейтенант на доклад к полковнику.

– Ну как обстоят дела?

– Убывают.

– Что убывают?

– Как дни.

– Что, как дни?

– Зимой.

– Что зимой?

– Убывают наши силы, как дни зимой.

Не прорвались фашисты к Москве со стороны Наро-Фоминска, наносят удар южнее. Прошли пять километров... десять... пятнадцать... Село Петровское. Но и здесь, у Петровского, перегородили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой.

Был у фашистов один лейтенант. Прибыл лейтенант на доклад к полковнику.

– Ну как обстоят дела?

– Тают.

– Что тают?

– Как снег.

– Что, как снег?

– Весной.

– Что весной?

– Тают наши силы, как снег весной.

Не прорвались фашисты к Москве со стороны села Петровского. Повернули фашисты на север. Устремились к станций Голицыно. Но и

здесь ожидал их заслон. Разгорелся смертельный бой.

Прибыл лейтенант на доклад к полковнику:

– Ну как обстоят дела?

– Испаряются.

– Что испаряются?

– Словно роса.

– Что, словно роса?

– В июле.

– Что в июле?

– Испаряются наши силы, словно роса в июле.

Не прорвались фашисты к Москве и со стороны Голицыно.

Идут упорные сражения за Москву. Всё новые силы бросают фашисты в бой. Убывают, тают, испаряются эти силы.

«Барон Мюнхаузен»

Среди защитников Москвы находился отряд аэростатчиков. Поднимались аэростаты в московское небо. С помощью металлических тросов создавали заслоны против фашистских бомбардировщиков.

Спускали как-то солдаты один из аэростатов. Однотонно скрипит лебёдка. Стальной трос, как нитка, ползёт по бобине. При помощи этого троса и спускают аэростат. Всё ниже он, ниже. С оболочки аэростата свисают верёвки. Это фалы. Схватят сейчас бойцы аэростат за фалы. Держась за фалы, перетащат аэростат к месту стоянки. Укрепят, привяжут его к опорам.

Аэростат огромный-огромный. С виду как слон, как мамонт. Послушно пойдёт за людьми машина. Это как правило. Но бывает, заупрямится аэростат. Это если бывает ветер. В такие минуты аэростат, словно скакун норовистый, рвётся и рвётся с привязи.

Тот памятный для солдата Велигуры день выдался именно ветреный.

Спускается аэростат. Стоит рядовой Велигура. Стоят другие. Вот схватят сейчас за фалы.

Схватил Велигура. Другие же не успели. Рвануло аэростат. Слышит Велигура какой-то хлопок. Потом Велигуру дёрнуло. Земля отошла от ног. Глянул боец, а он уже в воздухе. Оказалось, лопнул трос, с помощью которого спускала лебёдка аэростат. Поволок Велигуру аэростат за собой в поднебесье.

– Бросай фалы!

– Бросай фалы! – кричат Велигуре снизу товарищи.

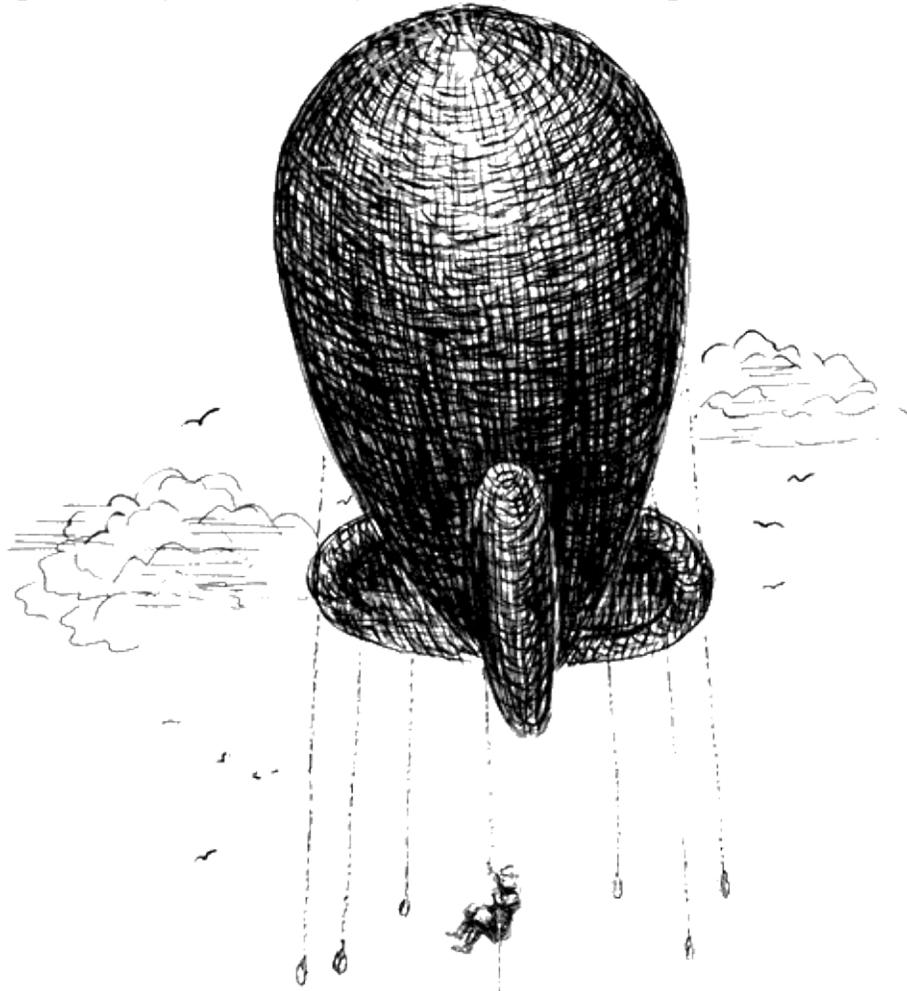
Не понял Велигура вначале, в чём дело. А когда разобрался – поздно. Земля далеко внизу. Всё выше и выше аэростат.

Держит солдат верёвку. Положение просто трагическое. Сколько же может так человек удержаться? Минутой больше, минутой меньше. Затем силы его покинут. Рухнет несчастный вниз.

Так бы случилось и с Велигурой. Да, видно, в сорочке боец родился. Хотя, скорее, просто Велигура боец находчивый. Ухватил он ногами верёвку. Легче теперь держаться. Дух перевёл, передохнул. Петлю ногами на верёвке старается сделать. Добился солдат удачи. Сделал боец петлю. Сделал петлю и в неё уселся. Совсем отошла опасность. Повеселел Велигура. Интересно даже теперь бойцу. Впервые так высоко поднялся. Парит, как орёл, над степью.

Смотрит солдат на землю. Проплывает под ним Москва лабиринтом домов и улиц. А вот и окраина. Кончился город. Над дачным Велигура летит районом. И вдруг понимает боец, что ветер несёт его в сторону фронта. Вот и район боёв, вот и линия фронта.

Увидели фашисты советский аэростат. Открыли огонь. Разрываются рядом снаряды. Неуютно бойцу на воздушном шаре.

Несёт ветер солдата всё дальше и дальше вдоль линии фронта. Положение катастрофическое. Сколько же продержится человек над огнём на воздушном шаре? Минутой больше, минутой меньше. Пробьют оболочку аэростата. Рухнет машина вниз.

Так бы случилось, конечно, и с Велигурой. Да, видно, и впрямь в сорочке боец родился. Не задевают, мимо проходят взрывы.

Но главное – вдруг, как по команде, изменил направление ветер. Понесло Велигуру опять к Москве. Вернулся боец почти туда же, откуда отбыл. Благополучно спустился вниз.

Жив солдат. Невредим. Здоров.

Вот и вышло, что рядовой Велигура на аэростате к врагам слетал почти так же, как в своё время в неприятельскую крепость верхом на ядре знаменитый барон Мюнхаузен.

Всё хорошо. Беда лишь в одном. Мало кто в этот полёт поверил. Только Велигура начнёт рассказывать, сразу друзья кричат:

– Ну, ну, ври, загибай, закручивай!

Не Велигура теперь Велигура. Только откроет бедняга рот, сразу несётся:

– Барон Мюнхаузен!

Война есть война. Всякое здесь бывает. Бывает такое, что сказкой потом считают.

Ух ты, мама!

Был один из самых тяжёлых моментов Московской битвы.

Бои шли севернее Москвы, на Рогачёвском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними советскими армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Захватили фашисты рабочий посёлок Красная Поляна, подошли к железнодорожной станции Лобня.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это – расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну огромную дальнобойную пушку. Стали её устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают.

Не могут скрыть торжества солдаты:

– Мы первыми из всех по Москве ударим!

– Награда от фюрера будет!

Суетится артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда – рыцарский крест на шею, известность по всей Германии.

Торжествуют фашисты удачу. А в это время навстречу прорвавшимся врагам срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

– Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванёт команду. Вот она, радость боя!

– Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Возятся фашистские солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а кажется солдатам, что сюда, к Красной Поляне ближе.

Переглянулись немцы:

– Ближе!

– Ближе!!

Вот и несётся уже «Ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили её бойцы. Любопытно на пушку

глянуть.

Видят солдаты гигант-трофей:

– Ух ты, мама!

– Неужто взяли?

– Вот бы сейчас – по Гитлеру!

– Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришёл приказ пушку отправить в тыл. И всё же задержались чуть-чуть солдаты. Подождёт пять минут приказ!

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударила пушка стократным басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понёс.

А через несколько дней советские войска перешли в грандиозное наступление. Разгромили они под Москвой фашистов.

Доватор

В боях под Москвой вместе с другими войсками принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские...

Лих, искромётен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом. Смотрят станичники на генерала:

– Наших кровей – казацких!

Спорят бойцы, откуда он родом:

– С Дона.

– С Кубани!

– Терский он, терский.

– Уральский казак, с Урала.

– Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору:

– Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

– Не там, товарищи, ищите. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотино, на севере Белоруссии, недалеко от города Полоцка – вот где родился комкор Доватор.

Не верят Доватору казаки:

– Шутки комкор пускает.

И снова:

– Терский!

– Оренбургский!

– Донской!

– Кубанский!

– Уральский!

– Братцы, да он же, считай, забайкальский, даурских кровей, казак.

Ещё в августе – сентябре конная группа Доватора ходила по фашистским тылам. Громила склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли слухи – 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. Успокаивают солдат фашистские генералы. Отдают даже специальный приказ. А в этом приказе: «Не верьте слухам! Слухи о том, что в тыл наших войск прорвалось 100 000 кавалеристов противника, преувеличены. Линию фронта перешло всего 18 000». А на самом деле в конной группе Доватора было только 3000 человек.

Когда советские войска под Москвой перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каждым кустом им казак мерещится...

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора – 10 тысяч немецких марок.

Рыщут любители денег и славы. Ловят в мечтах Доватора. Исчезает, как дым, Доватор.

Повышают фашисты цену. 20 тысяч марок за поимку советского генерала. Рыщут любители денег, хватают в мечтах Доватора.

Как гроза, как весенний гром, идёт по фашистским тылам Доватор.

Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышав свист.

– Доватор! – кричат. – Доватор!

Услышат удар копыт.

– Доватор! Доватор!

Повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они предателю. Лежат без хозяина эти деньги. Как сон, как миф для врагов Доватора.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идёт.

Часть

Рядовой Евстегнюк фашиста поймал на палец. Как карась на крючок, фашистский солдат на палец к бойцу попался. Вот как случилось это. Зима. Наступали наши. Громили фашистов. Был Евстегнюк в разведке. В разведке не в первый раз. Задание важное – нужно добыть «языка», то есть схватить кого-нибудь из фашистских солдат и невредимым доставить в часть.

Вышел солдат в разведку. Пересек незаметно передний край, перешёл через линию фронта, оказался в «гостях» у фашистов.

Вечер. Зимний. Ранний. Река Протва. Прорубь в Протве. Тропа. Ходят по этой тропе за водой фашисты. Тут у тропы и засел солдат. Поджидает боец добычу.

Только осторожны на редкость стали сейчас фашисты. Нет бы бежать к воде в одиночку. Ходят к воде с охраной.

Наблюдает за ними советский разведчик. Вот шагает один с ведром, следом другой – с автоматом. Вот трое прошли. Один с ведром, двое других с автоматами. Вот снова трое – один с ведром, с ручным пулемётом двое.

Таких не возьмёшь без шума.

Сидит Евстегнюк, выжидает. Час просидел, на исходе второй. Продрог Евстегнюк, промёрз. Коченеют спина и руки. Однако сидит выжидает. Знает: лишь упорных удача ждёт.

Дождлся разведчик своей минуты.

Видит – на тропе появился смелый. Без охраны бежит фашист. Перебирает ногами, торопится. Вот добежал до проруби. Зачерпнул фашист воду. Бежит назад. Тут и вырос перед ним Евстегнюк. Пытался схватить за горло, чтобы пикнуть солдат не мог. Да, видать, в темноте Евстегнюк промахнулся. Двинул в этот момент головой фашист. Рот приоткрыл для крика. И вот угодил Евстегнюк гитлеровскому солдату пальцем прямо в открытый рот. Угодил, и в ту же секунду фашистский рот, как капкан, захлопнулся. У фашиста от страха случился шок. Сжались зубы, назад ни с места. Мёртвой хваткой схватили палец. Что же тут делать? Так и повёл через линию фронта советский разведчик фашиста в плен.

Прибыл разведчик в часть. Видят его солдаты. Не сразу поймут, в чём дело:

– Глянь, глянь – Евстегнюк за губу волочит фашиста!

И верно, издали кажется, что разведчик ведёт за губу человека.

Узнав, в чём дело, смеялись до слёз солдаты:

– Евстегнюк карася поймал!

– Сом на крючок попался!

Пытались солдаты челюсти разжать у фашиста. Старались и так и этак.

– Щипом, щекоткой его возьми!

– Штыком надави!

– Дёрни за нос, за ухо!

Бьются солдаты. Не растянут упрямые челюсти. Хоть волоки домкрат.

Стоит Евстегнюк под обстрелом смешков солдатских. Ситуация – глупее не может быть. Рука с зажатым пальцем, как назло, у солдата правая. Ни честь отдать начальству. А вдруг как тревога! А вдруг как бой! Будь ты проклят, «язык» фашистский!

Кончилось тем, что повели к врачам в медсанбат солдата. Тут и разжали фашисту пасть.

Довольны солдаты:

– Ура! Разжали!

Нашёлся один смекалистый:

– Не эта важна. Не эта. Занеслись на Москву фашисты. Вот какую разжали пасть!

Глава вторая

Стальное кольцо

«Гвоздильный завод»

Потерпев поражение под Москвой, летом 1942 года фашисты начали новое наступление, они двигались к Дону и Волге, начали сражение за Сталинград. Бои шли на улицах города.

Недалеко от вокзала в подвале одного из домов советские солдаты обнаружили склад с гвоздями. «Гвоздильный завод» – в шутку называли солдаты дом.

Здесь – сражалась группа солдат во главе с младшим лейтенантом Колегановым. Не всё здание находилось у советских воинов. Часть у фашистов. Глухая стена разделяла две половины.

Стреляют бойцы из окон. Ведут огонь на три стороны. Четвёртая – и есть та глухая стена, которая отделяет их от фашистов. Спокойны солдаты за эту сторону. Стена кирпичная, толстая, ни окон нет, ни дверей. Хорошо за плечами такую защиту чувствовать. Среди солдат – Василий Кутейкин. И ему хорошо оттого, что стена защищает сзади.

И вдруг от страшного взрыва качнулся дом. Это фашисты подорвали глухую стену. Едва улеглась пыль – показался огромный проём в стене. Только рассмотрели его бойцы, как оттуда, с фашистской стороны, полетели в советских солдат гранаты.

Вот уже первая с шумом коснулась пола. Вот сейчас последует взрыв. Упала граната рядом с Кутейкиным. Солдат побледнел, зажмурился. Ждёт, а взрыва всё нет. Приоткрыл он глаза. Видит – схватил младший лейтенант Колеганов гранату, размахнулся и бросил назад в проём, то есть вернул фашистам. Там и раздался взрыв.

Улыбнулся Кутейкин. Полегчало на сердце. И вдруг видит – вторая летит граната. И снова прямо к нему, к Кутейкину. Вновь побледнел солдат, снова зажмурился. Ждёт он бесславной смерти. «Раз, два, три», – про себя считает. А взрыва всё нет. Открыл Кутейкин глаза – взрыва нет и гранаты нет. Это рядовой Кожушко по примеру младшего лейтенанта Колеганова схватил гранату и тоже бросил назад к фашистам. Удачлив Кутейкин. Минует солдата смерть.

Посмотрел Кутейкин на младшего лейтенанта Колеганова, на рядового Кожушко. И вдруг ушла из сердца минутная робость. Неловко бойцу за себя. Сожалеет, что это Кожушко, а не он подхватил гранату. Даже желает, чтобы прилетела ещё одна. Смотрит – и вправду летит граната.

– Моя! – закричал Кутейкин.

Бросился ей навстречу:

– Не подходи – моя!

Схватил гранату и тут же её туда – к фашистам за стену.

Секундой позже подвиг Колеганова, Кожушко и Кутейкина повторили старшина Кувшинов и рядовой Пересветов.

Подбежали солдаты затем к проёму. Открыли огонь из винтовок и автоматов. Когда закончился бой и утихли выстрелы, подошли, заглянули бойцы в проём.

Там, громоздясь один на другого, валялись десятки фашистских трупов.

– Да, нагвоздили, – произнёс младший лейтенант Колеганов.

Улыбнулись солдаты:

– Так ведь «гвоздильный завод».

Много в Сталинграде таких заводов. Что ни дом, то для фашистов «завод гвоздильный».

Буль-буль

Не стихают бои в Сталинграде. Рвутся фашисты к Волге.

Обозлил сержанта Носкова какой-то фашист. Траншеи наши и гитлеровцев тут проходили рядом. Слышна из окопа к окопу речь.

Сидит фашист в своём укрытии, выкрикивает:

– Рус, завтра буль-буль!

То есть хочет сказать, что завтра прорвутся фашисты к Волге, сбросят в Волгу защитников Сталинграда.

Сидит фашист, не высовывается. Лишь голос из окопа доносится:

– Рус, завтра буль-буль. – И уточняет: – Буль-буль у Вольга.

Действует это «буль-буль» на нервы сержанту Носкову.

Другие спокойны. Кое-кто из солдат даже посмеивается. А Носков:

– Эка ж, проклятый фриц! Да покажись ты. Дай хоть взглянуть на тебя.

Гитлеровец как раз и высунулся. Глянул Носков, глянули другие солдаты. Рыжеват. Осповат. Уши торчком. Пилотка на темени чудом держится.

Высунулся фашист и снова:

– Буль-буль!

Кто-то из наших солдат схватил винтовку. Вскинул, прицелился.

– Не трожь! – строго сказал Носков.

Посмотрел на Носкова солдат удивлённо. Пожал плечами. Отвёл винтовку.

До самого вечера каркал ушастый немец: «Рус, завтра буль-буль. Завтра у Вольга».

К вечеру фашистский солдат умолк.

«Заснул», – поняли в наших окопах. Стали постепенно и наши солдаты дремать. Вдруг видят, кто-то стал вылезать из окопа. Смотрят – сержант Носков. А следом за ним лучший его дружок рядовой Турянчик. Выбрались дружки-приятели из окопа, прижались к земле, поползли к немецкой траншее.

Проснулись солдаты. Недоумевают. С чего это вдруг Носков и Турянчик к фашистам отправились в гости? Смотрят солдаты туда, на запад, глаза в темноте ломают. Беспokoиться стали солдаты.

Но вот кто-то сказал:

– Братцы, ползут назад.

Второй подтвердил:

– Так и есть, возвращаются.

Всмотрелись солдаты – верно. Ползут, прижавшись к земле, друзья. Только не двое их. Трое. Присмотрелись бойцы: третий солдат фашистский, тот самый – «буль-буль». Только не ползёт он. Волокут его Носков и Турянчик. Кляп во рту у солдата.

Притащили друзья крикуна в окоп. Передохнули и дальше в штаб.

Однако дорогой сбежали к Волге. Схватили фашиста за руки, за шею, в Волгу его макнули.

– Буль-буль, буль-буль! – кричит озорно Турянчик.

Буль-буль, – пускает фашист пузыри. Трясётся, как лист осинovýй.

– Не бойся, не бойся, – сказал Носков. – Русский не бьёт лежащего.

Сдали солдаты пленного в штаб.

Махнул на прощанье фашисту Носков рукой.

– Буль-буль, – прощаясь, сказал Турянчик.

Мамаев курган

Лейтенант Чернышов красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган – самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперёд.

– Вперёд! Вперёд! – до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и опять:

– Вперёд!

Лежат солдаты, не поднимаются.

– Вперёд! – кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. – Вперёд!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика.

Саблей сломались брови. Скулы корёжат рот.

– Вперёд! – кричит лейтенант Чернышов.

Лежат солдаты.

Вдруг объявился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

– Они же мёртвые, товарищ лейтенант, – тихо сказал Куценко.

Вздрогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял – солдаты мёртвые. Живы только они вдвоём – он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь внизу у кургана назначили Чернышова командовать новой

группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвёртый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет – страшно взглянуть кругом. Склоны кургана в солдатских трупах. Словно, устав в походе, прилегли на часок солдаты. Сыграй им побудку – сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

– В атаку! – снова прошла команда.

Снова к вершине ведёт Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит – раскатом грома гремит «Ура!». «Что бы такое?» Решает – причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги с левого берега пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

– Ура! Ура!

Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили.

В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

– Всё же наша взяла, – произнёс лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские чёрные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови всё так же дугой, как месяц.

Злая фамилия

Стеснялся солдат своей фамилии. Не повезло ему при рождении. Трусов его фамилия.

Время военное. Фамилия броская.

Уже в военкомате, когда призывали солдата в армию, – первый вопрос:

– Фамилия?

– Трусов.

– Как-как?

– Трусов.

– Д-да... – протянули работники военкомата.

Попал боец в роту.

– Как фамилия?

– Рядовой Трусов.

– Как-как?

– Рядовой Трусов.

– Д-да... – протянул командир.

Много бед от фамилии принял солдат. Кругом шутки да прибаутки:

– Видать, твой предок в героях не был.

– В обоз при такой фамилии!

Привезут полевую почту. Соберутся солдаты в круг. Идёт раздача прибывших писем. Называют фамилии:

– Козлов! Сизов! Смирнов!

Всё нормально. Подходят солдаты, берут свои письма.

Выкрикнут:

– Трусов!

Смеются кругом солдаты.

Не вяжется с военным временем как-то фамилия. Горе солдату с этой фамилией.

В составе своей отдельной стрелковой бригады рядовой Трусов прибыл под Сталинград. Переправили бойцов через Волгу на правый берег. Вступила бригада в бой.

– Ну, Трусов, посмотрим, какой из тебя солдат, – сказал командир отделения.

Не хочется Трусову оскандалиться. Старается. Идут солдаты в атаку. Вдруг слева застрочил вражеский пулемёт. Развернулся Трусов. Из автомата дал очередь. Замолчал неприятельский пулемёт.

– Молодец! – похвалил бойца командир отделения.
Пробежали солдаты ещё несколько шагов. Снова бьёт пулемёт.
Теперь уже справа. Повернулся Трусов. Подобрался к пулемётчику.
Бросил гранату. И этот фашист утих.
– Герой! – сказал командир отделения.
Залегли солдаты. Ведут перестрелку с фашистами. Кончился бой.
Подсчитали солдаты убитых врагов. Двадцать человек оказалось у того места, откуда вёл огонь рядовой Трусов.
– О-о! – вырвалось у командира отделения. – Ну, брат, злая твоя фамилия. Злая!
Улыбнулся Трусов.
За смелость и решительность в бою рядовой Трусов был награждён медалью.
Висит на груди у героя медаль «За отвагу». Кто ни встретит – глаза на награду скосит.
Первый к солдату теперь вопрос:
– За что награждён, герой?
Никто не переспросит теперь фамилию. Не хихикнет теперь никто. С ехидством словцо не бросит.
Ясно отныне бойцу: не в фамилии честь солдатская – дела человека красят.

Данко

Данко – сказочный герой одного из рассказов Максима Горького. Спасая людей в тёмном лесу, Данко вырвал из своей груди сердце. Вспыхнуло сердце ярким пламенем, осветило дорогу людям.

Сталинград необычный город. Длинной полосой на 65 километров протянулся он с севера на юг вдоль правого берега Волги.

К исходу сентября 1942 года наиболее грозные бои развернулись в северной части города. Тут заводской район. Вот завод «Красный Октябрь», вот «Баррикады», а вот и знаменитый Сталинградский тракторный. Гордились сталинградцы своими заводами, славой своей рабочей. Сюда в заводской район и рвались теперь фашисты. С утра до вечера гудела здесь страшная битва. Сила ломала силу. Упорство сошлось с упорством.

От страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. От бескрайних ночных пожаров ночь превращалась в день.

Ничем особо не приметен матрос Михаил Паникаха. Роста среднего. Силы средней. Бескозырка. Тельняшка. Правда, матросские клёши убраны в сапоги.

Михаил Паникаха морской пехотинец. Вместе со своим батальоном он сражался здесь в заводском районе.

Бросили фашисты против морских пехотинцев танки. Завязался неравный бой.

У танков броня, пушки и пулемёты. У матросов одни гранаты. И те на исходе. Михаил Паникаха сидел в окопе. Как и все, отбивался от пулемётов, брони и пушек. Но вот наступил момент – нет у Паникаха больше гранат. Осталось лишь две бутылки с горючей смесью. А танки идут и идут. И бою конца не видно.

Один из танков движется прямо на Паникаха. Не уйти от судьбы солдату. В схватке сошлись человек и сталь.

Прижался матрос к окопу. Подпускает поближе танк. Держит в руках бутылку с горючим. Приготовился. Лишь бы не промахнуться. Лишь бы попасть. Вот и рядом фашистский танк. Приподнялся матрос в окопе. Занёс бутылку над головой, только хотел швырнуть в стальную громаду, как вдруг ударила пуля в стекло. Разлетелась на осколки бутылка. Воспламенилась жидкость, хлынула на Паникаха. Мгновение – и факелом вспыхнул матрос.

Замерли люди. Замерло небо. Остановилось на небе солнце...

Остальное случилось в одну секунду.

– Нет, не пройти фашистам! – прокричал матрос.

Схватил Паникаха вторую бутылку с горючей смесью. Живым пламенем выскочил из окопа. Подбежал к фашистскому танку. Занёс бутылку. Ударил по решётке моторного люка. Взревел, поперхнулся фашистский танк. К небу брызнул огонь фонтаном.

Давно отгремели бои. Разошлись по домам солдаты.

Многое стёрла память. Но бессмертны дела бесстрашных. Живёт, не старея, память о подвиге Паникаха.

Сталинградский Данко – назвали его товарищи. Таким он вошёл в историю.

Сталинградская оборона

Защищают советские войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов. Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков – боевой, решительный генерал.

Наступая, фашисты однажды прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот-вот и ворвутся сюда фашисты.

Забеспокоились штабные офицеры и адъютанты.

– Товарищ командующий, противник рядом, – доложили Чуйкову.

– Вот и прекрасно, – сказал Чуйков. – Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада – открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолёты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

– Опасно, товарищ командующий, – рядом огонь!

– Вот и отлично, – сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь. –

Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже, когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело бывают осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка:

– Товарищ генерал, да где это видано – осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

– Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтовой витамин на злость.

– «Витамин»! – пробурчал Глинка.

Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам. Довольны солдаты – боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона – это атака. Атакует всё время Чуйков противника. Не даёт фашистам покоя.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждёт указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления – как, по науке, лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так, так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провёл стрелку.

– Вот здесь, – сказал, – завтра вместе с соседом справа начнёте атаку. Цель – уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

– Так это, выходит, товарищ командующий, не оборона, а целое наступление.

– Нет, оборона, – сказал Чуйков. – Сталинградская оборона.

Чуйков – атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны участвовал генерал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Василий Иванович Чуйков стал Маршалом Советского Союза.

Геннадий Сталинградович

В сражающемся Сталинграде, в самый разгар боёв, среди дыма, металла, огня и развалин, солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

– Как тебя звать?

– Гена.

– Сколько ж тебе годов?

– Пять, – важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышлёным был мальчик. Прошёл всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог назвать всех по имени-отчеству.

Поразительный был мальчишка. Смелый. Смекалистый. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабного повара Глинку по имени-отчеству зовут, как величать адъютантов, связных, посыльных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

– Здравствуйте, Павел Васильевич!..

– Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!..

– Здравия желаю, Семён Никодимович!..

– Привет вам, Каюм Калимулинович!..

И генералы, и офицеры, и рядовые – все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

– Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

– Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы:

– Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

– На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

– Доброй дороги тебе, Сталинградович!

– Сил набирайся!

– Мужай!

– Расти!

– Честь с юных лет береги, Сталинградович!

Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты бусинку и снова к ратным своим делам.

Вырос Геннадий Сталинградович. Жив и здоров. Школу закончил, затем институт. Есть у него дети, есть внуки. Совсем недавно родился правнук.

Два друга

Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин – два неразлучных друга. Два лейтенанта. Два комсомольца. Оба – танкисты. Окончили вместе училище. Сдружились ещё в училище. У обоих одна мечта – вместе, рядом хотят сражаться. Рвутся оба в героический Сталинград.

Да только мечты мечтами. На деле порой другое. Разошлись их солдатские службы. Ерёмин попал на Юго-Западный фронт. Дудочкин, хоть и на Сталинградский, но, как назло, от Сталинграда к югу. Стоит их механизированный корпус почти у самых калмыцких степей, между озёрами Цаца и Барманцак.

Обидно друзьям до слёз. Не исполнилось их желание.

Тихо на Юго-Западном фронте. Ещё тише здесь – на Сталинградском, между озёрами Цаца и Барманцак.

Битва кипит на Волге. Рвутся танкисты в бой. Пишет Ерёмин рапорт начальству. Пишет про лучшего друга, лейтенанта Дудочкина: мол, разлучили, мол, вместе желают биться. Просит направить в сражающийся Сталинград.

И Дудочкин рапорт строчит начальству. Пишет про лучшего друга лейтенанта Ерёмина, и тоже, конечно, про Сталинград. Что-то не отзываются, молчат командиры.

Настойчивым был лейтенант Ерёмин. Обошёл в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. И генералу про друга, про встречу с другом, про сражающийся Сталинград. Улыбнулся генерал. Посмотрел на Ерёмина:

– Похвально. И о друге – похвально. – Затем наклонился и тихо: – Надеюсь, исполнится ваше желание.

И лейтенант Дудочкин парень упорный. Обошёл в пять этажей начальство. Добрался до важного генерала. Посмотрел генерал на Дудочкина:

– Ну что ж, надеюсь, исполнится ваша просьба.

Доволен Ерёмин. Доволен Дудочкин. Готовы к отбытию. Только что-то отправки нет. Хотели снова бежать к начальству. Да тут...

Давно уже Ставка Верховного Главнокомандования разрабатывала грандиозный и дерзкий план разгрома фашистов у стен Сталинграда. Генералы Жуков, Василевский, Воронов, другие советские военачальники провели десятки бессонных ночей, разрабатывая детали будущей битвы.

Вот как выглядел её план. Решительными ударами с севера и с юга окружить фашистов в районе Сталинграда, зажать их в огромное кольцо и уничтожить.

1942 год. Раннее утро. 19 ноября. Юго-Западный фронт.

– По танкам! – прошла команда.

Бросился Ерёмин к танку. Здесь узнаёт приказ. Пошёл с севера в грандиозное наступление их Юго-Западный фронт.

А через день и лейтенанту Дудочкину сообщают приказ. Пошёл в наступление с юга их Сталинградский фронт.

Оглушительный грохот потряс Приволжские степи. Это начала стрелять советская артиллерия. Заработали миномёты. Ударили знаменитые «катюши». Затем в бой ринулись грозные танки. И, наконец, с криком «Ура!» неудержимо рванулась вперёд всепобеждающая советская пехота.

Четыре дня советские танкисты, пехотинцы, артиллеристы, конники, наступая навстречу друг другу, громили фашистов.

Продолжали двигаться вперёд и танковые соединения, в которых служили молодые лейтенанты Пётр Ерёмин и Василий Дудочкин.

Танки проходили через отвесные овраги и глубокие рвы, прорывали проволочные заграждения, подминали вражеские пушки и пулемёты и снова с боями шли вперёд и вперёд.

Мчится на танке лейтенант Ерёмин. Весь он в великой битве. Жалеет лишь об одном: «Эх бы сюда Василия!»

А в это время с юга навстречу лейтенанту Ерёмину лейтенант Дудочкин летит на танке. Весь он в великой битве. Об одном лишь жалеет Дудочкин, что так и не успел он с лейтенантом Ерёминым встретиться: «Вот бы сюда Петра».

Стремительно движутся танки. И вот 23 ноября 1942 года рядом с Доном, за Калачом, встретились части двух разных фронтов.

Видит Ерёмин – танки летят навстречу.

– Наши! Наши! – кричат кругом.

Встретились танки двух разных фронтов – Юго-Западного и Сталинградского, замкнули кольцо окружения.

Отбросил Ерёмин крышку танкового люка. Вылез наружу. Спрыгнул на снег. Смотрит – бросились люди навстречу друг другу. Не скрывают солдаты радости. Обнимают один другого. Шлемы бросают вверх.

Не отставать же Петру Ерёмину. Обнял одного, обнял другого. Бросился к третьему. Расцеловал. По плечу похлопал. Глянул – да это же Дудочкин! Василий Дудочкин.

– Вася! – закричал Ерёмин.

– Петя! – вскрикнул Дудочкин.

Повстречались друзья, как в сказке. Обнялись до боли в плечах.

Повстречались, обнялись. Смотрят, а рядом – два генерала, их генералы, те самые. Обнимаются генералы. Друг друга до боли в костях сжимают.

– Лёня! – кричит один.

– Саня! – в восторге кричит другой.

Увидели генералы Ерёмину и Дудочкина.

– Ну как?

– Встретились! Встретились! – закричали Ерёмин и Дудочкин.

Улыбаются генералы:

– Ну что ж, добрая встреча, добрая. Побольше таких бы встреч.

Наступление Юго-Западного и Сталинградского фронтов завершилось полным успехом. Огромная 330-тысячная фашистская армия, штурмовавшая Сталинград, оказалась, как волк, в капкане.

«Хендехохнули!»

Наступает Советская Армия. Сдаются фашисты в плен.

Утро. Штабная машина. Полковник в машине. Едет полковник, командир дивизии, к своим наступающим войскам. Навстречу попались пленные. Семь человек. Сзади шагает советский солдат. Молод, безус солдат. Держит автомат на изготовку, сопровождает пленных.

Остановилась машина.

– Откуда ведёшь, герой?

– Вот там за высоткой стоит деревня, товарищ полковник.

– С кем их пленил?

– Один.

– Один?!

– Так точно, товарищ полковник. Я в проулок. Они из хаты, – стал объяснять солдат. – «Стой!» – им кричу. Занёс гранату. Увидели гранату и тут же хендехохнули!

– Что-что? – не понял полковник.

– Руки вверх подняли, хендехохнули, товарищ полковник.

Полковник рассмеялся.

– Ну что ж, благодарю за службу, герой. Как фамилия?

– Синеоков, товарищ полковник.

Вечером полковник, командир дивизии, докладывал о том, как идёт наступление его дивизии, генералу, командующему армией:

– Товарищ генерал, сегодня перед фронтом моей дивизии девятьсот фашистов хендехохнули!

– Что-что? – не понял генерал.

– Хендехохнули, сдались в плен, товарищ генерал.

– Ах, хендехохнули!

Улыбнулся генерал – понравилось, видно, ему словечко.

В этот же вечер генерал, командующий армией, докладывал об успехе армии командующему фронтом:

– Товарищ командующий, за истекший день вверенной мне армией разбиты... – и стал перечислять фашистские полки и дивизии, которые разбиты армией. А в конце: – Товарищ командующий, три тысячи фашистских солдат и офицеров хендехохнули!

– Что-что? – переспросил командующий.

– Хендехохнули, капитулировали, сдались в плен, товарищ

командующий.

– Ах, хендехохнули! – рассмеялся генерал. Поздравил командующего армией с успехом.

Прошёл час, и командующий фронтом докладывал по телефону о том, как прошёл день на фронте, Верховному Главнокомандующему.

– Товарищ Верховный Главнокомандующий, сегодня в течение дня войсками фронта уничтожены... – и стал перечислять фашистские дивизии, которые уничтожены в этот день под Сталинградом. Доложил, а в конце торжественно: – Семь тысяч солдат и офицеров противника хендехохнули, товарищ Верховный Главнокомандующий.

– Что-что? – раздалось в трубке. Голос был мягкий, но чуть раздражённый.

Сообразил командующий, что зря употребил он неуставное, непривычное слово, но что тут делать? Сказал тише, без прежней бодрости:

– Хендехохнули, то есть сдались в плен, товарищ Верховный Главнокомандующий.

– Ах, хендехохнули! – ответила трубка. Ответила весело. Без прежней раздражённости. Даже смешок раздался: – Значит, хендехохнули?

– Так точно, хендехохнули, товарищ Верховный...

Фельдмаршал Паулюс и другие

Окружила Советская Армия фашистов. В мощных боях разбила. Те, кто остался цел, устремились теперь в Сталинград, в ту часть города, которая пока ещё в руках у фашистов. Ищут фашисты среди стен городских спасение. Приходят в город всё новые и новые фашистские части, а тут и своих полно.

Дома все разрушены. Щебень да камни.

Расползлись фашистские солдаты по подвалам разрушенных домов, по подземельям, погребам и траншеям. Залезают в любую щель.

В одном из глубоких подвалов, под зданием бывшего универмага, сидит и командующий окружённой фашистской армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс.

– Мужайтесь! Держитесь! – кричат из подвала фашистские генералы.

Здесь, в подвале, штаб окружённой армии или, вернее, того, что осталось от армии. Не много солдат добрело до города. Одни ещё бьются. Другие махнули на всё рукой.

– Держитесь! Держитесь! – приказ солдатам.

Однако всё меньше и меньше тех, кто готов держаться.

И вот к центру Сталинграда прорвались советские танки. Подошли танкисты к подвалу, в котором скрывались фашистский штаб и фельдмаршал Паулюс. Спустились в подвал герои:

– Будьте любезны, руки кверху, фельдмаршал Паулюс!

Сдался фельдмаршал в плен.

Добивают солдаты фашистов. Из подвалов, подземелий, щелей траншей выкуривают.

– Вылезайте на свет, голубчики!

Выходят фашисты. Руки, как пики, вверх. Головы – в плечи.

2 февраля 1943 года фашистские войска, окружённые под Сталинградом, окончательно сложили оружие. Всё, что осталось от огромной 330-тысячной гитлеровской армии, сдалось в плен. Советскими войсками было разбито или полностью уничтожено 22 фашистские дивизии. Пленено 91 тысяча фашистских солдат, в том числе 2500 офицеров. Помимо фельдмаршала, советские войска взяли в плен 23 гитлеровских генерала.

Фашистская армия, сражавшаяся под Сталинградом, перестала существовать.

Прошло два дня, и 4 февраля на центральной площади Сталинграда состоялся огромный митинг. Застыли в строю солдаты. Слушают слова о фашистской капитуляции. Несутся слова над площадью:

- Двадцать две дивизии!
- Двадцать три генерала!
- Девяносто одна тысяча фашистских солдат и офицеров!
- Фельдмаршал Паулюс!

Победа под Сталинградом была полной. Победа была великой. Не померкнет слава её в веках.

Глава третья

Шашлык по-кавказски

Спешит посыльный

1942 год. Шла в то лето к врагам удача. Отважно сражались советские воины. И всё же сила была у фашистов. Предприняв штурм Сталинграда, фашисты одновременно начали наступление на Кавказ. Прорвали враги под Ростовом советский фронт. Отходили от Ростова на юг к Кавказским горам солдаты.

Понимают солдаты – всё на войне бывает.

Верят солдаты в нашу победу. И всё же фашисты пока сильнее. И всё же фашисты идут вперёд.

Здесь, южнее Ростова, на огромных степных просторах хотят они окружить советские армии. Бросили фашисты вперёд ударные танковые группы. Назвали их «кулаками».

Один из фашистских ударов проходил через станицу Кущёвскую. Тут в числе других сражалась 13-я кавалерийская дивизия. Состояла она преимущественно из казаков. Стойко дралась дивизия.

Ударили фашисты, взяли Кущёвскую. Тут же доклад генералу:

– Хайль Гитлер! Взята Кущёвская.

Только генерал порадовался, только сказал «Зер гут!», как новый спешит офицер с докладом:

– Хайль Гитлер! Оставили наши Кущёвскую.

«Что такое?! – в недоумении генерал. – Взяли. Оставили! Что? Почему! „Вас ист лёз?“ – „Что случилось?“»

Действительно, оставлена была фашистами Кущёвская. Казаки-герои

её отбили.

Дал генерал приказ:

– Немедля вновь овладеть Кущёвской.

Снова в атаку пошли фашисты. Вновь к генералу спешит офицер:

– Хайль Гитлер! Взята Кущёвская!

Только руку отнёс от фуражки, только сделал свой шаг «кругом», как новый в дверях посыльный:

– Хайль Гитлер! Оставлена нами Кущёвская.

– Что?! – заревел генерал.

– Там казаки, – говорят генералу.

Поморщился генерал. Нелёгкое дело – дело иметь с казаками.

– Взять, – приказал, – Кущёвскую.

Вновь закипели бои за Кущёвскую. Час проходит, идут бои. Два проходит, идут бои. Ночь наступила, идут бои.

Отбили фашисты опять Кущёвскую. Снова посыльный спешит к генералу:

– Спит генерал, – говорят адъютанты.

– Сообщение важное, – докладывает посыльный. – Нами взята Кущёвская.

Решают адъютанты: будить, не будить генерала.

Пока решали, новый гонец примчался.

– Хайль Гитлер! Оставлена нами Кущёвская.

Не только здесь под Кущёвской, но и в других местах наносили наши по фашистам тогда удары. Не удалось фашистам южнее Ростова окружить советские войска.

И всё же фашисты в тот час были сильнее. Больше пушек у них, больше танков, больше снарядов.

Отходили наши войска. Отступали.

История с Барманцаком

Севернее Северного Кавказа, там, где кончается Ставропольская возвышенность, за реками Кумой и Маныч начинаются Калмыцкие степи.

Привольны, хороши Калмыцкие степи. До Нижней Волги, до Каспийского моря тянутся.

Развернулись и здесь бои. Вторглись фашисты в Калмыцкие степи, к Каспийскому морю через Калмыцкие степи хотят пробиться.

Одной из советских частей, действовавших в этом районе, были приданы верблюды. Оказались верблюды солдатам в их солдатских делах надёжными помощниками. Особенно понравился бойцам верблюд по кличке Барманцак.

Был он на редкость трудолюбивым.

Был он на редкость неприхотливым.

Память имел хорошую.

Вот какая однажды приключилась с верблюдом история.

Напали как-то фашисты на наш полковой обоз. Пленили Бдрманцака. Погнали в свою часть.

Поражались фашисты, глядя на верблюда.

– Камел! Камел! – на своём языке кричали. «Камел» – это и есть по-немецки «верблюд».

Залезали фашисты к Барманцаку на спину. Усаживались между верблюжьих горбов.

– Гут! – голоса оттуда. – Гут!

Переживали наши бойцы, что лишились, что не отбили у налётчиков двугорбого друга. Даже появился у наших план: мол, проберутся к фашистам разведчики, узнают, где пленник, а затем смельчаки совершат отважный налёт и вернут Барманцака в родные окопы.

Так бы, наверно, оно и было. Да вдруг! Что такое?! Что за клубилось там вдалеке, кто по степи несётся?

Присмотрелись солдаты: так это же Барманцак!

А кто там верхом на Барманцаке?!

Недолго пробыл Барманцак в фашистском плену. До первого вечера. До первого ужина. Дело в том, что каждый вечер наши бойцы верблюда вкусно и сытно кормили. Привык к вечерним угощениям Барманцак. Вот и рванул на ужин. Сложилось так, что как раз в это время взобрался на спину Барманцака очередной фашист. Уселся между верблюжьих горбов,

произнёс, как и другие, «Гут!». В этот момент и побежал Барманцак. Примчал он фашиста к нашим.

Спустили наши фашиста на землю. Отличный принёс Барманцак подарок!

Смеются бойцы:

– Ай да Барманцак! Знаем теперь, кого посылать за «языком» к фашистам.

А тут и ещё одно. Закипела у гитлеровского солдата на Барманцака злорада. Повернулся к верблюду, замахнулся на Барманцака. Был Барманцак, как все верблюды, очень обидчивым. Посмотрел на гитлеровца, пошамкал губами, пошамкал, собрал слюну и, как из миномёта, в фашиста плюнул.

Расхохотались солдаты:

– Правильно!

– По назначению!

Не пробилась фашисты через Калмыцкие степи к Каспийскому морю. Пришёл срок, были и здесь разбиты.

Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии

Сержант Нико Долидзе был командиром орудия. Смел он в боях. Неутомим в сержантских своих делах. Любое дело в руках у Долидзе спорится.

Пристала к Нико Долидзе забавная поговорка: «Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии».

Вот и сейчас. Тащат солдаты вброд через горную речку пушку. Упирается в пушку плечом Долидзе, толкает и тут же другим командует:

– Раз-два – взяли! Раз-два – взяли! Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз-два – взяли! Раз-два – взяли!

Отходили солдаты. Отходили с боями, с атаками, с контратаками. Сражались, как львы, как тигры. И всё же фашисты теснили наших. Разное было в пути, в дороге. Вначале, когда шли по Кубанским степям, артиллеристы на орудийных передках, на лафетах ехали. Потом, когда пошли отроги Кавказских гор, пешком, рядом с лошадьми стали идти солдаты. Всё круче пошли подъёмы. Всё труднее лошадиным упряжкам тащить орудия. Помогают солдаты теперь лошадям. Сами впряглись в орудия. То лошадям, то себе командуют:

– Эй, саврасые, эй, буланы! Дружней, вороны, кауры!

– Эй, белобрысые, эй, чернявые! Налегай, синеокие, голубоглазые!

Дальше и вовсе дороги кончились. Распрягли лошадей солдаты. Сами тащат теперь орудия. Слышится голос Нико Долидзе:

– Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз, два, взяли! Раз,

два, взяли!

Кончились тропы. Кручи пошли, уступы. Посовещались артиллеристы, на руках понесли орудия. Разобрали на части пушки.

Колёса отдельно, стволы отдельно, лафеты отдельно, снаряды отдельно. Взвалили на плечи стальную ношу. Упрямо идут вперёд.

Вот и вовсе солдат обступили скалы. Как же пушки – сюда на скалы?

Неутомимы солдаты.

– Тащи верёвки! – кричит Долидзе.

Привязали солдаты верёвки к орудийным стволам, к лафетам. Слышится голос Нико Долидзе:

– Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии. Раз-два – взяли! Раз-два – взяли!

Ухватились за верёвки артиллеристы. Ползут на скалы стволы, лафеты. Установили солдаты орудия там, высоко в горах. Огнём артиллерийским фашистов встретили.

Хвалили командиры Нико Долидзе. Хвалили других солдат:

– Богатыри! Герои!

Смущались солдаты, смущался Нико Долидзе.

– Красивый в кавалерии, сильный в артиллерии.

Стоят они сильные и красивые.

Шашлык по-кавказски

Шашлык по-кавказски – еда-объеденье. На длинном шампуре, под острой приправой. Увенчан, обласкан всемирной славой.

Рядовой фашистской армии Штопке мечтал о шашлыке по-кавказски.

И фельдфебель Зингер тоже мечтал о шашлыке по-кавказски.

И обер-лейтенант Редер мечтал о шашлыке по-кавказски.

И полковник Хагель тоже мечтал о шашлыке по-кавказски.

И много, и много ещё других.

Браво шагали они на Кавказ. Всё ближе и ближе красавицы горы.

Представляет Штопке костёр и шашлычный запах.

Представляет Кобленц костёр и шашлычный запах.

Представляет Зингер костёр и шашлычный запах.

Представляет Редер.

Представляет Хагель.

И много, и много ещё других.

Идут по кавказским они дорогам. Вот и уступы, вот и теснины. Терек несётся. Ревёт Баксан. Орлы в вышине клокочут.

Поднимаются фашисты в горы. А в это время там высоко в горах – на кручах, на скалах, среди теснин – укрылись кавказские партизаны. Много их. Есть у народных мстителей метод борьбы с врагами. Взрывчатку под камни. В руки запал. Взрыв. Грохот. И вот лавина с Кавказских гор вниз на врагов несётся.

Так и сейчас. Идут Штопке, и Кобленц, и Зингер, и Редер, и Хагель. И много, и много ещё других. Идут, о шашлыках мечтают. Вдруг взметнулись от взрыва камни. Устремились смертельным потоком вниз.

Рухнули в пропасть Штопке, и Кобленц, и Зингер, и Редер, и Хагель. И много, и много ещё других.

Смешались камни, мундиры, люди.

Спустился в пропасть столетний ворон.

– Салют по-кавказски, – прокаркал ворон.

Лист осенний

Гитлеровскими войсками, наступавшими на Кавказ, командовал фашистский генерал-фельдмаршал Лист.

Кончилось лето. Приблизилась осень. Не достигли фашисты намеченных целей.

Клялись фашисты взять Грозный, вступить в Баку.

Застряли фашисты. По-прежнему грозно высится Грозный. За горами, за долами лежит Баку.

Дали фашисты слово прорваться к Сочи, к Сухуми, к Поти, к Батуми.

Застряли фашисты. Споткнулись у моря. Как до Луны, далеко до Сочи.

Кричали фашисты, что горы осияют, возьмут Тбилиси. И всё Закавказье тоже.

Застряли фашисты. Не прорвались через Кавказские перевалы. Всё также в мечтах Тбилиси. И всё Закавказье тоже.

Сорвались фашистские планы. Заслонили советские люди грудью своей Кавказ.

Разгневан Гитлер провалом Листа.

Мчит из Берлина курьер в Россию. Срочный приказ в кармане:

– Снять Листа!

– Снять Листа!!

– Снять Листа!!!

Смещён, впал в немилость фельдмаршал Лист.

Узнали наши солдаты о грозном приказе Гитлера. Осень начиналась как раз на дворе.

Смеются солдаты. Назвали генерал-фельдмаршала Листа:

– Лист осенний.

Советским осенним военным ветром сорван фельдмаршал Лист.

Двенадцать тополей

Как-то новый командир одного из полков, сражавшихся на Кавказе, посетил стрелковое отделение. Двенадцать бойцов в отделении. Застыли в строю солдаты. Стоят в ряд, один к одному. Представляются командиру:

- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.

Что такое – поражается командир полка. Продолжают доклад солдаты:

- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.
- Рядовой Григорян.

Не знает, как поступить командир полка, – шутят, что ли, над ним солдаты?

- Отставить, – сказал командир полка.

Семь бойцов представилось. Пятеро стоят безымянными. Наклонился к командиру полка командир роты, показал на остальных, сказал тихо:

- Тоже все Григоряны.

Посмотрел теперь командир полка удивлённо на командира роты – не шутит ли командир роты?

– Все Григоряны. Все – двенадцать, – сказал командир роты.

Действительно, все двенадцать человек в отделении были Григорянами.

– Однофамильцы?

– Нет.

Двенадцать Григорянов, от старшего – Барсега Григоряна до младшего – Агаси Григоряна, были родственниками, членами одной семьи. Вместе шли на фронт. Вместе они воевали, вместе защищали страну и родной Кавказ.

Один из боёв для отделения Григорянов был особенно тяжёлым. Держали солдаты важный рубеж. И вдруг атака фашистских танков. Люди сошлись с металлом. Танки – с одной, Григоряны – с другой. Лезли, лезли, разрывали воем округу танки. Без счёта огонь бросали. Устояли в бою Григоряны. Удержали рубеж до прихода наших.

Тяжёлой ценой достаётся победа. Не бывает войны без смерти. Не бывает без смерти боя. Шесть Григорянов в том страшном бою с фашистами выбыли из отделения.

Было двенадцать, стало шесть. Продолжали сражаться отважные воины. Гнали фашистов с Кавказа, с Кубани. Затем освобождали поля Украины. Солдатскую честь и фамильную честь донесли до твердынь Берлина.

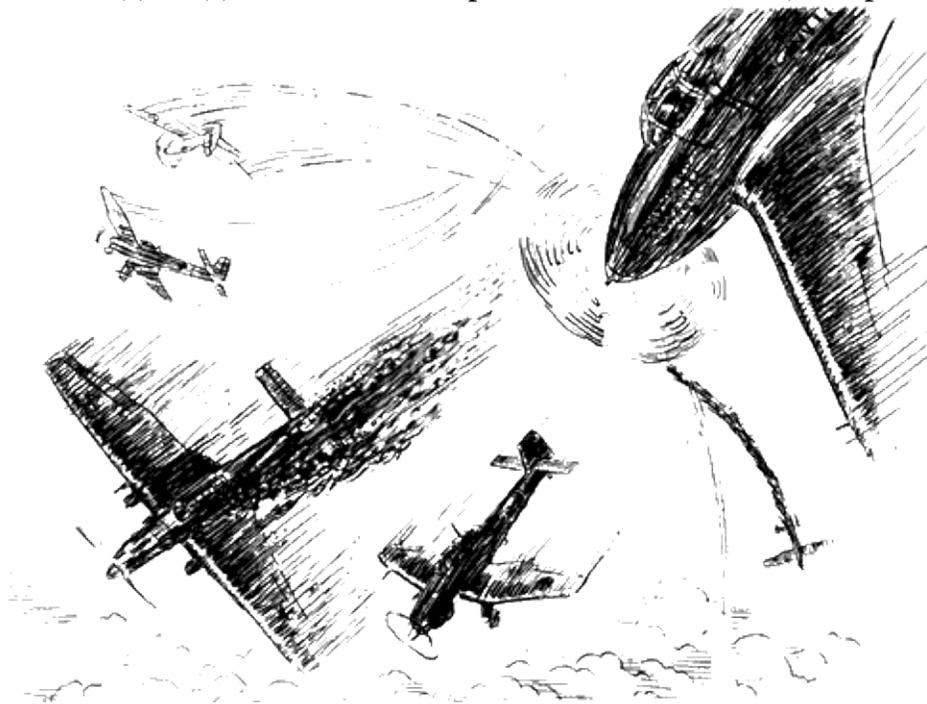
Не бывает войны без смерти. Не бывает без смерти боя. Трое погибли ещё в боях. Жизнь двоим сократили пули. Лишь самый младший, Агаси Григорян, один невредимым вернулся с полей сражений.

В память об отважной семье, о воинах-героях в их родном городе на Кавказе были посажены двенадцать тополей.

Разрослись ныне тополя. Из метровых саженцев гигантами стали. Стоят они в ряд, один к одному, словно бойцы в строю – целое отделение. Память вечная Григорянам!

«Ахтунг! Ахтунг!»

Лётчик-истребитель капитан Александр Покрышкин находился в воздухе. Внизу, изгибаясь, бежит Адагум. Это приток Кубани. Новороссийск виден вдали налево. Справа осталась станция Крымская.

Впился лётчик глазами в стекло кабины. Зорко следит за землёй, за небом. Голову влево, голову вправо. Голову кверху, голову вниз. Поправил очки, шлемофон, наушники. Вновь повёл головой по кругу. Снова – то вверх, то вниз.

В наушниках послышалось:

– Ахтунг! Ахтунг!

Речь немецкая.

– Ахтунг! Ахтунг!

Голос тревожный («Ахтунг» – означает «внимание».)

«Что такое? – подумал Покрышкин. – Что же случилось там у фашистов?»

Снова повёл головой налево, снова повёл направо: «Что же такое тревожное там у фашистов?»

И вдруг:

– Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!

Вот так «ахтунг!». Слышит Покрышкин: «Покрышкин в воздухе!»

Услышали «ахтунг!» на других наших самолётах. Услышали фашистский «ахтунг!» и внизу на нашем командном пункте.

Ясно нашим, почему раздаётся фашистский «ахтунг!». Ясно и фашистским лётчикам, почему их предупреждают. Двадцать самолётов врага сбил над Кубанью лётчик Покрышкин. (А до этого – над Днестром, над Днепром, над Донбассом, над Доном – и ещё двадцать.) Лишь в одном бою над станцией Крымской уничтожил Покрышкин четыре неприятельских «мессершмитта». Четыре в одном бою!

– Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!

Бежит, нарастает победный счёт у Покрышкина – 41 самолёт, 42, 43, 44, 45... 51, 52, 53, 54, 55...

– Ахтунг! Ахтунг! Покрышкин в воздухе!

От первого до последнего дня войны сражался отважно с фашистами лётчик.

59 самолётов врага сбил в воздушных боях лётчик-истребитель Александр Иванович Покрышкин.

Стал он Героем Советского Союза.

Стал дважды Героем Советского Союза.

Стал трижды Героем Советского Союза.

Слава тебе, Александр Покрышкин, первый трижды Герой в стране.

Кобрик и Киттихаук

Некоторые наши авиационные соединения, сражавшиеся на Северном Кавказе и Кубани, имели самолёты английского производства. Англичане были нашими союзниками. Поставляли нам отдельные виды своего вооружения. В том числе и самолёты-истребители. Были они двух марок: «аэрокобра», или просто «кобра», и «киттихаук».

Пристала как-то к лётчикам, летавшим на «кобрах» и «киттихауках», собачонка. Приютили её авиаторы. Стали думать об имени.

– Барбос.

– Жучка.

– Бобик, – идут предложения.

– Не то, не то.

Кто-то вдруг произнёс:

– Кобрик!

Посмотрели лётчики на самолёты «аэрокобра»:

– Кобрик?

Понравилось лётчикам имя Кобрик.

Прошло несколько дней. Как-то вернулись лётчики из боевого полёта, видят, поджидает их ещё одна собачонка. Морда весёлая. Хвост колечком.

– Много вас тут. Есть у нас уже Кобрик, – говорят ей лётчики.

Однако не уходит собачонка. Уселась, смотрит на лётчиков. Глаза озорные. Морда весёлая. Хвост колечком.

Приютили и эту лётчики. Стали думать, как же её назвать. Кто-то сказал:

– Киттихаук.

Понравилось лётчикам – Киттихаук. Звучит необычно, звонко.

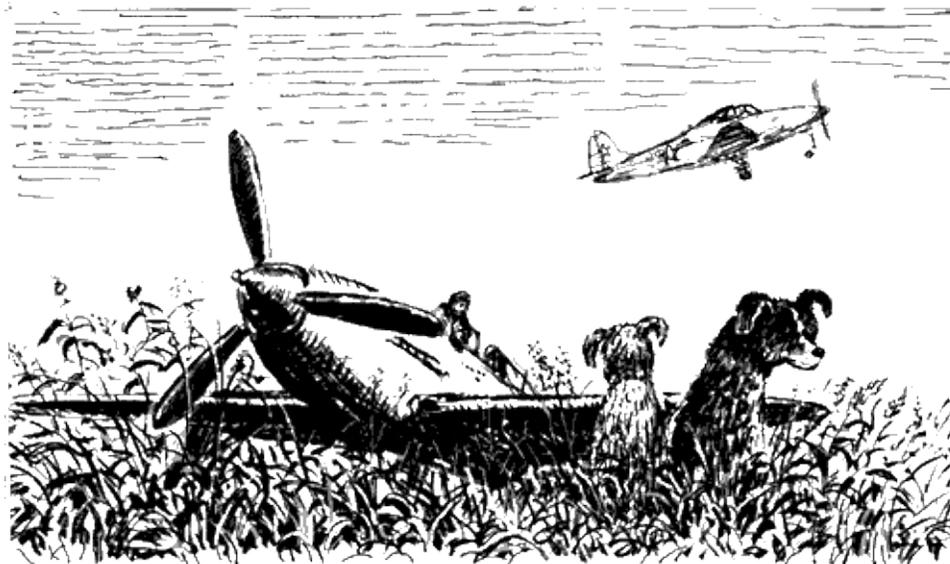
Поселились Кобрик и Киттихаук на военном аэродроме. Стали общими любимцами лётчиков.

Провожают дворняжки в полёт героев. Встречают друзей с победой. Возвращаются лётчики:

– Здравствуй, Кобрик!

– Привет, Киттихаук!

То-то радость на лётном поле.

Нелёгкая жизнь у воздушных воинов. Тяжёлые бои с фашистами шли на Северном Кавказе. Особенно упорные на Кубани. По нескольку боевых вылетов в день совершали военные лётчики. Устают от полётов лётчики. Сядут на землю. Валяются тут же на аэродроме прямо у самолётов с ног. Садятся рядом Кобрик и Киттихаук. Оберегают солдатский сон.

Наступали наши войска. Гнали с Кубанской земли фашистов. Перемещались на запад, на новые аэродромы и авиационные соединения.

Взяли лётчики Кобрика и Киттихаука к себе в боевые кабины. Поднялись в небо. Когда же совершили посадку на новом месте, случилось вдруг неожиданное.

Выскочил Кобрик из самолёта. Глаза злющие, злющие. Зубы оскалил. Пытались лётчики его приласкать. Рывкнул Кобрик и стрелой от людей помчался.

– Кобрик! Кобрик! – кричат лётчики.

– Ко-о-брик!

Не вернулся Кобрик назад. Не перенёс он, видимо, перелёта. Не родился, видимо, для полётов. Умчался Кобрик. А Киттихаук при всех остался. Был он по-прежнему общим любимцем.

Провожал он в полёты лётчиков. Встречал из полётов лётчиков.

Сидит Киттихаук. Смотрит в бездонное небо. Морда весёлая. Хвост колечком.

Гадание на Ромашкине

Есть такая игра-гадание: «любит, не любит», «будет, не будет», – гадание на ромашке.

Появился как-то в одной из наших частей боец-автоматчик Михаил Ромашкин.

Смотрят солдаты на Ромашкина, улыбаются, вспоминают игру-гадание:

– Любит, не любит, будет, не будет.

Нашёлся среди бойцов остряк и выдумщик. Предложил он гадание на Ромашкине.

Нет лепестков на Ромашкине. Нет лепестков, но... На то и смекалка солдатская.

Стали бойцы загадывать на шаги. Скажем, идёт Ромашкин, впереди какой-нибудь предмет – камень, допустим, или куст на дороге. Загадывают солдаты, на какое слово у этого камня или куста попадёт последний шаг Ромашкина: на «любит» или на «не любит», на «будет» или на «не будет».

Только увидят Ромашкина, сразу отсчёт начинается. Хорошо, удобно гадать на Ромашкине. Круглый год у него сезон.

Началось это гадание ещё в те дни, когда наши старались удержать город Грозный. Удержали наши тогда город Грозный.

На город Орджоникидзе потом гадали. Этот город сейчас называется Владикавказ.

Отстояли воины Орджоникидзе.

На Нальчик гадали: «отобьём, не отобьём» у фашистов город Нальчик.

Отбили, освободили советские части Нальчик.

На многое гадали солдаты: будет ли письмо из дома, представят, не представят за бой к награде, завезут папиросы или махорку выдадут. Много есть, на что солдату загадать можно. Конечно, чушь, ерунда гадание. Да как-то подтолкнул солдат к забаве Ромашкин своей фамилией.

Летом 1943 года часть, в которой служил Ромашкин, была направлена под город Новороссийск. Влилась она в 18 армию, которой командовал герой боёв за Кавказ генерал Константин Николаевич Леселидзе.

Вскоре слух о рядовом Ромашкине и солдатской выдумке дошёл до командующего армией. Усмехнулся генерал Леселидзе, понимал он шутку:

– Забавно.

И вот, было это как раз накануне боёв за освобождение

Новороссийска, попался рядовой Ромашкин на глаза самому генералу. Был с генералом Леселидзе его адъютант. Адъютант первым и заметил Ромашкина:

– Товарищ генерал, вот он тот самый Ромашкин.

Посмотрел генерал – бравый солдат.

Заметил солдат генерала, подтянулся, перешёл на строевой шаг, отдал, как полагается, честь.

«Хорош солдат, хорош», – подумал про себя генерал.

Ромашкин пошёл дальше. Глянул генерал Леселидзе – ветка валяется впереди на пути солдата. Смотрит генерал на ветку и вдруг неожиданно для себя начинает считать: «будет, не будет, будет, не будет».

Конечно, уверен генерал Леселидзе, что освободят войска Новороссийск, что будет наша победа. Всё продумано, всё подготовлено, всё рассчитано. Чушь, ерунда, конечно, гадание, и всё же считает. Был даже рад, когда выпало быть удаче.

Ударили войска с востока, ударили с запада. Высадили морской десант прямо в Новороссийский порт. Ворвались, освободили Новороссийск.

Вместе с другими в боях за Новороссийск отличился и рядовой Ромашкин.

Висит на гимнастёрке медаль у героя. Рады товарищи за Ромашкина. Верной ногой, выходит, ступил Ромашкин.

Верной ногой ступили солдаты на Новороссийскую землю. Твёрдой ногой, надёжной.

«Бабушка в окошке»

Советскими войсками, громившими фашистов на Северном Кавказе, командовал генерал Иван Ефимович Петров.

Прибыл как-то генерал Петров на базу торпедных катеров. Проходил к штабу. Вдруг слышит:

– Ставь «Гитлера»!

– Бью по «Герингу»!

– Ваше здоровье, «Риббентроп»!

«Что такое, – поразился Петров. – При чём здесь Гитлер? При чём ближайшие его помощники, Геринг и Риббентроп?»

Посмотрел он удивлённо на сопровождавшего его морского офицера.

– Городки, товарищ генерал, – ответил офицер.

Оказывается, на территории базы торпедных катеров была оборудована городошная площадка. Кто-то специально посоветовал морякам-торпедникам в промежутках между боями, в часы отдыха играть в городки. Игра спортивная, полезная. Развивают моряки меткость глаза. Мышцы на руках тренируют.

Задача при игре в городки – быстрее выбить городошные фигуры. В руках у играющих деревянные палки – биты, фигуры состояются из деревянных продолговатых чурок, которые и называются городками. В каждой фигуре их пять. Фигур несколько. У каждой своё название. Есть «пушка», есть «письмо». Есть фигура, напоминающая змейку, есть укладывающаяся в виде колодца. Одна из фигур называется «бабушка в окошке». Ставятся четыре городка как бы окошком, а из него выглядывает пятый. Это и есть «бабушка в окошке».

Городки – игра азартная, весёлая. Кто-то придумал шутку. Стали моряки называть городошные фигуры именами главных фашистов.

Появилась фигура «Гитлер», была «Геринг», была «Гейбельс». Одну из фигур назвали фамилией министра иностранных дел фашистской Германии – «фон Риббентроп». «Бабушкой в окошке» назвали фельдмаршала Клейста. После смещения генерал-фельдмаршала Листа генерал-фельдмаршал Клейст был командующим всеми фашистскими войсками, сражавшимися на Кавказе.

Заинтересовался Петров городками. Вышел к городошной площадке. Как раз размахнулся один из играющих. Кричит:

– Луплю по «Гейбельсу»!

Полетела бита, ударила в городки. Разлетелся на части «Геббельс».

Увидели игроки генерала:

– Смирно!

– Вольно, вольно, – проговорил Петров. – Продолжайте.

Поставили на площадке новую фигуру. Оказалась ею как раз «бабушка в окошке».

– «Фельдмаршал Клейст», – шепнул Петрову сопровождающий офицер.

Прицелился играющий. Бросил биту. Да мимо. Смутило, видимо, его присутствие генерала Петрова. Повезло «фельдмаршалу Клейсту».

– Ну, что же, бывает, – сказал Петров. Пожелал он морякам успехов в боях. Прошёл в штаб, а вскоре и вовсе уехал с базы.

Повезло «фельдмаршалу Клейсту» в городках, а вот на Кавказе – нет.

Вскоре советские войска под командованием генерала Петрова перешли в решительное наступление. Нанесли они сокрушительный удар по фашистам. Гитлеровские войска на Северном Кавказе были окончательно разбиты. Бежали генерал-фельдмаршал Клейст и другие фашистские генералы.

Шутили тогда моряки:

– Выбил Петров Клейста. Скончалась «бабушка в окошке».

«Кримгильда» и «Брунгильда»

Ефрейтора Ефима Папаева прозвали «Брунгильдой». Возмутился Папаев, протестовал.

Однако другие:

– Брунгильда! Брунгильда!

Смеются, хохочут. Хорошее настроение у солдат.

Брунгильда – это древнее немецкое женское имя.

И рядовой Овечкин протестовал. Прозвали его «Кримгильдой». Кримгильда – это тоже немецкое женское имя.

Почему же ефрейтор Папаев и рядовой Овечкин вдруг стали «Брунгильдой» и «Кримгильдой»? Вот откуда пошли имена.

Бои на Северном Кавказе приближались к концу. Оставался в руках у фашистов лишь один Таманский полуостров. Ясно фашистам: не удержаться им здесь на Тамани, пора уходить с Тамани. Составили фашистские штабы план отступления, назвали этот план «Кримгильда». Таманский полуостров с трёх сторон окружён водой. С севера – Азовское море, с юга – Чёрное, напротив Таманского полуострова – Керченский пролив. Через Керченский пролив и собирались фашисты уйти с Кавказа.

Назвали фашисты свой отход эвакуацией. Так и значилось в фашистских бумагах: медленная планомерная эвакуация. И рядом засекреченное её название – «Кримгильда».

Однако не долго действовал план «Кримгильда». Стали советские войска наносить один за другим сокрушительные удары по врагу. Поняли фашистские генералы: медленная эвакуация может закончиться полным разгромом фашистских войск. Заменили они срочно план «Кримгильда», то есть план медленной эвакуации на другой, на план ускоренной эвакуации. Назвали его «Брунгильда». Не спасла фашистов «Кримгильда». Не спасла и «Брунгильда». Нанесли советские армии и моряки Черноморского флота и Азовской военной флотилии сокрушительные удары по врагу. Побежали фашисты с Таманского полуострова.

После окончательного разгрома фашистских войск на Северном Кавказе, после полного освобождения Таманского полуострова, во многих наших частях были устроены праздники. Был он и в части, в которой служили ефрейтор Папаев и рядовой Овечкин.

В программу праздника входили и спортивные состязания. Был бег на сто, на двести и на тысячу метров. Стартовали солдаты на сто метров.

Первым к финишу прибежал ефрейтор Папаев. Бежал он быстро-быстро, как говорят – только пятки сверкали.

Смотрят солдаты, как быстро бежит Папаев. Кто-то сказал:

– Брунгильда!

И на двести метров Папаев прибежал первым, и на тысячу. Смеются солдаты:

– Брунгильда! Брунгильда!

А солдат Овечкин оказался бегуном неважным. Во всех трёх забегах был на последнем месте.

Вот и прозвали его «Кримгильдой».

Появилась в части у них Кримгильда. Появилась в части у них Брунгильда. Хорошее настроение у солдат.

Посмеялись солдаты над своими товарищами. Оставили бегунов в покое. Снова стал ефрейтор Папаев – Папаевым, стал снова солдат Овечкин – Овечкиным.

Однако не забылась «Кримгильда», не забылась «Брунгильда». О том, как бежали фашисты с Кавказа, как добивали на Таманском полуострове наши войска фашистов, о «Кримгильде» и о «Брунгильде», ныне во многих научных трудах написано, ныне в военных академиях изучают.

Шагает, шагает время.

Завершилось сражение за Кавказ. Но продолжается бой с врагами. Разъехались к новым местам солдаты. Не закончен ратный солдатский труд. Новые битвы их ждут с фашистами.

Глава четвёртая
Курские соловьи

Вальс Добрянского

После поражения под Москвой, под Сталинградом и на Кавказе фашисты надеялись на удачу в новом сражении. Оно произошло в центре России. Летом 1943 года началась великая Курская битва.

Бой шёл в районе шоссе Белгород – Обоянь. Наступали фашисты. Впереди двигались «тигры».

Недалеко от наших окопов находился наблюдательный пункт. Два советских бойца, два солдата-разведчика, прижались к земле и следили за движением вражеских танков.

Один из «тигров» заметил советских воинов. Решили фашисты раздавить наших солдат. Направили танк на разведчиков. Ползёт, как утюг, машина. Всё ближе, всё ближе. Занял полполя, занял полнеба. Секунда, вторая. Рывок – и всё.

Не выдержал один из бойцов. Вскочил с земли, побежал по полю. Фашисты открыли пулемётный огонь. Рухнул солдат на землю.

Второй же боец – Анатолий Добрянский остался лежать на месте. Подошёл к нему вражеский танк, только подмять собрался, как вдруг вскочил Добрянский. Метнулся к танку. Прижался к «тигру», к борту, к его броне.

Смотрят из окопов бойцы на Добрянского:

– Хитрец!

– Мудрец!

Неуязвимый для «тигра», для его пулемётов оказался теперь

Добрянский. Тогда фашистский танк начал кружить по полю. Пытается он раздавить смельчака. Но и вправду смыслённый солдат Добрянский. Кружит он вместе с танком, не отрывается от брони.

И снова доносится из окопов:

– Герой!

– Молодец!

Кружил Добрянский вместе с танком, кружил, вдруг видит рядом окоп. Прыгнул в окоп Добрянский, укрылся от страшной смерти.

Смотрят фашисты. Где же боец? Провалился под землю? Бронёй придавлен? Увидели окоп. Вот где солдат укрылся. Примяли, притоптали танком окоп фашисты. Дальше пошли по полю.

Решили фашисты – погиб солдат. А Добрянский цел, невредим. Поднялся, швырнул бутылку с горючей жидкостью. Точно бросал боец. Попал в уходящий фашистский танк. Прямо туда, где с горючим баки.

Вспыхнул фашистский танк, как факел.

Смеялись потом бойцы, вспоминая, как Добрянский с танком кружил по полю.

– Здорово ты вальсировал!

– Кавалер из тебя заправский!

Подвиг рядового Добрянского для многих бойцов послужил наукой. Даже специально в частях изучали, как лучше, если возникнет во время боя надобность, вплотную прижаться к танку.

Идут у бойцов занятия.

– Что изучаете?

– Науку военную.

– Как называется?

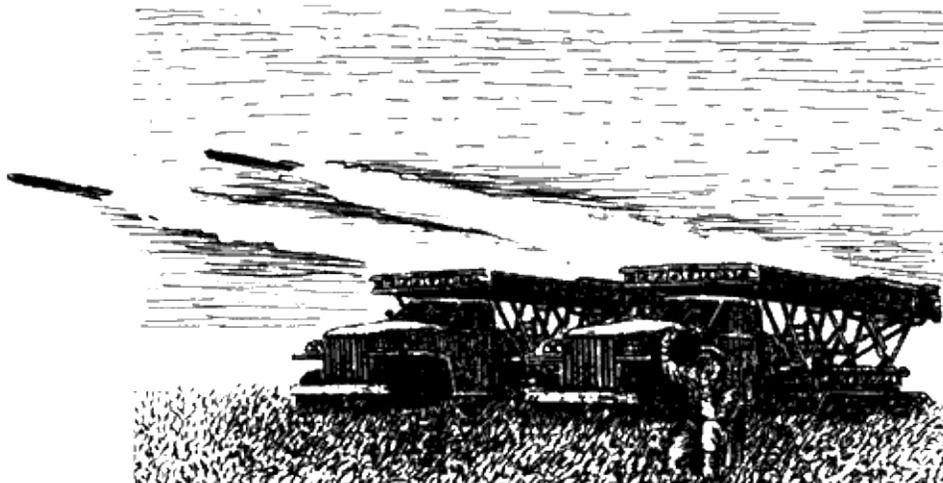
– Вальс Добрянского.

Курские соловьи

Побывайте под Курском в мае. Заливаются, щёлкают курские соловьи.

В Курской битве вместе с другими войсками сражались и подразделения гвардейских миномётов. Гвардейские миномёты – это знаменитые «катюши».

В первые дни войны у нас было всего лишь несколько «катюш». В Курской битве принимали участие уже целые части и соединения.

Любили солдаты огонь «катюш». Уважали лихих миномётчиков. Летели снаряды «катюш» с характерным и звонким свистом. Всего милее солдатскому сердцу был этот свист. Вот и прозвали бойцы солдат-миномётчиков курскими соловьями.

Началась Курская битва. Засвистали, защёлкали курские соловьи. Били фашистов в дни наступления. Били и после, когда наши, сдержав фашистов, сами пошли вперёд.

Особенно досталось фашистам от наших «катюш» в боях южнее города Обояни. Здесь, рядом с шоссе, идущим на Обоянь из Белгорода, расположился гвардейский миномётный полк полковника Бондаренко.

Стояли «катюши» в засаде. Ждали команды к бою. Вдоль шоссе на Обоянь наступали фашистские танки. Словно железная стена надвигалась. Нет, казалось, врагу преграды.

Тут и грянул раскат «катюш». Обстрелялись «катюши», откланялись. В грудах металла поле.

Приехал к месту боя командующий.

– Молодцы. Хороша работа. Кто пропел тут фашистам песню?

Отвечают ему:

– Курские соловьи.

В новом месте пытались фашисты затем прорваться. Шла пехота и снова танки. Но и здесь «катюши» в засадах были. Отстрелялись «катюши», откланялись. Не прошли здесь фашисты. Бежит пехота. В степи догорают танки.

В третьем, в четвёртом – во многих местах под Курском сражались тогда «катюши». В числе первых пошли они и в контрнаступление. Едут по полю гвардейские миномёты. Меняют полки позиции. Снова грохочут залпы. Слышат солдаты залпы – в улыбках душа и лица:

– Наши запели.

– Наши.

От солдата идёт к солдату:

– Курские соловьи!

Москва – Иркутск

Было это перед началом Курской битвы. Рыли солдаты траншеи, окопы, укрепляли подходы к Курску.

Бросают солдаты землю.

Вдруг – автомашина «виллис». Из штаба фронта. Остановился «виллис». Вышли двое. Один из приехавших – капитан. Признали его солдаты: военный инженер из штаба Центрального фронта.

Интересно солдатам: сколько ж отрыли они окопов? Обратились к штабисту:

– Инженер-капитан, сколько же мы отрыли?

Достал капитан блокнот. Раскрыл. На пометку какую-то глянул. Что-то в уме прикинул.

– От Москвы до Рязани, – сказал капитан.

Оказался как раз капитан из тех, кто для наглядности любил прибегать к сравнениям.

– До Рязани?! – сорвалось солдатское удивление.

– До Рязани, – сказал капитан.

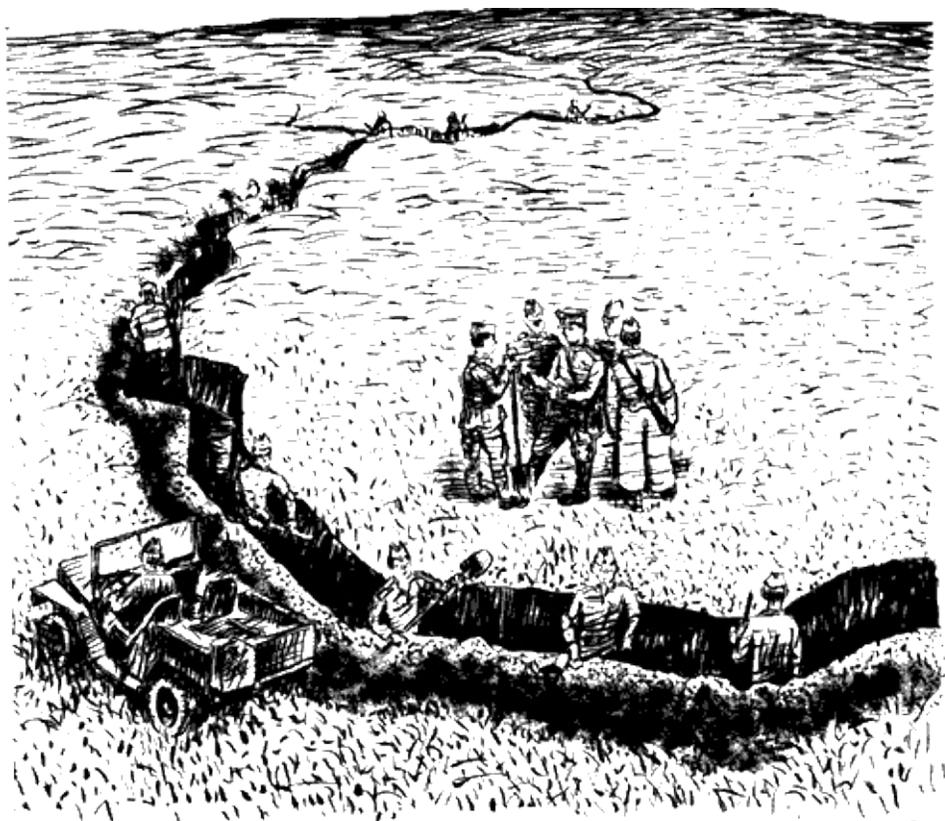
Осмотрел капитан окопы. Какие-то записи сделал. Уехал проворный «виллис».

Снова солдаты лопаты в руки. Дальше ползут окопы.

Через какое-то время снова приехал сюда капитан. И снова солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли отрыли?

Достал капитан блокнот. На пометку какую-то снова глянул. Что-то в уме прикинул.

– От Москвы до Казани, – сказал капитан.

– До Казани?! – удивляются опять солдаты.

– До Казани, – подтвердил капитан.

Осмотрел капитан окопы. Осмотрел, обошёл округу. Какие-то записи снова сделал. Умчался ракетой «виллис».

Снова солдаты за работу. Снова умылись потом. Дальше ползут окопы.

И в третий раз приезжал капитан, и в четвёртый. Затем и в пятый. И каждый раз солдаты с тем же к нему вопросом: сколько земли прорыли?

– От Москвы до Свердловска (сейчас этот город называется Екатеринбург), – сказал капитан, когда завершили солдаты свою работу.

Довольны солдаты:

– Значит, Урал пошёл!

– Урал, – соглашается капитан.

– От Москвы до Тюмени, – сказал в четвёртый.

Смеются солдаты:

– Значит, Сибирь пошла!

– Сибирь, – соглашается капитан.

– От Москвы до Иркутска, – сказал капитан, когда завершили солдаты свою работу.

Довольны солдаты:

– До Байкала, никак, прорыли. Здравствуй, старик Байкал!

Пять тысяч километров траншей и окопов прорыли солдаты, готовясь к битве под Курском.

И это только на одном, на Центральном фронте. А ведь рядом, на юг, на север от Курска, другие фронты стояли: Воронежский, Брянский, Степной, Юго-Западный, Западный...

Да и не только одни окопы солдаты рыли. Наводили минные поля, строили доты и дзоты, устанавливали проволочные заграждения, возводили различные инженерные сооружения, создавали целые оборонительные районы. Много труда, много усилий.

Знают солдаты: война есть не только подвиг на поле брани. Подвиг труда и подвиг в труде здесь в той же великой мере.

Смеются солдаты:

– Мы этих окопов за всю войну, считай, до небес, до самой Луны и назад прорыли.

– До Марса, считай!

– До Юпитера!

Окопы, окопы. Мозоли солдатские. Ещё одна дань войне.

Чёрный день

Гудит, грохочет металлом битва. Сошлись две силы на русском поле. Лавина стали сошлась с лавиной. Смешались в схватке огонь и люди. Зловещей гарью покрылось небо.

12 июля 1943 года под селением Прохоровка, южнее Курска, произошло величайшее во всей истории Великой Отечественной войны танковое сражение. Почти 1200 боевых машин и самоходных орудий приняло участие в этом небывалом сражении.

Через Прохоровку проходила железная дорога из Белгорода на Курск. Сюда и устремились теперь фашисты. Двигутся фашистские танки – «тигры», «пантеры» и самоходные орудия – «фердинанды» на Прохоровку. А в это время навстречу фашистам идёт советская танковая армия. Встретились танки. Вступили в бой.

Ворвались наши в ряды фашистов. Ближний бой выгоден нашим танкам. В ближнем бою теряют фашистские «тигры» своё преимущество. С близкого расстояния легче у «тигра» пробить броню, легче зайти и ударить сбоку.

Умело бьются советские танкисты. Достается фашистским «тиграм». Но и наши несут потери. Разгорается ярче битва.

На помощь танкам пришли самолёты. Повисли они над полем. Истребители, штурмовики, бомбардировщики. Наши и фашистские – смешались в небе. И там под солнцем грохочет битва.

На помощь танкам пришла артиллерия. Наша и фашистская. Бьют пушки прямой наводкой. Стойко стоят расчёты. Снаряды дырявят небо и землю.

Солнце давно в зените. В полном разгаре битва. Плацдарм, на котором идёт сражение, совсем невелик. Река Псёл с одной стороны. С другой – железнодорожная насыпь. С трудом разместилось здесь столько танков. Тесно машинам на тесном поле. Чуть ли не трутся они бортами. Всё больше, всё больше подбитых танков. Кострами пылает поле – то догорают танки. Дым над землёй поднялся, завесой окутал поле. Солнце в чаду, в тумане, словно чадру надело. Не утихает, грохочет битва. Самолёты всё так же в небе. Всё так же не умолкает раскат орудий.

...Клонилося солнце к траве, к закату. Устали люди, земля и небо. А бой всё шёл, всё не кончался. И оставалось пока неясным, кому быть в первых, за кем здесь сила. Но вот над полем пронеслось: отходят «тигры».

И вслед за этим как гром:

– Победа!

Проиграли фашисты танковое сражение под Прохоровкой. Был восьмой день Курской битвы. «Чёрным днём» назвали его фашисты.

Обида

Во время Курского сражения советскими войсками было взято в плен более двадцати фашистских генералов.

Солдат Каюров в боях заслужен. С минуты первой солдат на фронте. И вот Каюров в большой обиде.

Ворчит Каюров:

– Подумать только! Мальчишка прибыл. Лишь день воюет. Не видел лиха. Не нюхал смерти. И вдруг такое!

Солдат Неверов и вправду молод. Лишь день как в роте. Птенец, и только. И вдруг такое!

– Нет правды в мире, – ворчит Каюров.

Так в чём же дело?!

На диво роте, на диво части привёл Неверов в плен генерала.

Фашист сверхважный. Кресты, погоны. Штаны в лампасах. Фуражка с крабом. Идёт, как аист. Как коршун смотрит.

Бурчит Каюров:

– Где справедливость!

Достал Каюров кiset, махорку. Свернул сигарку. Затяжку сделал.

Отхож Каюров. Душой не злобен.

Остыл Каюров. И вспомнил время. Совсем другое. Тот год зловещий. То лето злое. В тот час тяжёлый на вес бриллианта был каждый пленный. Тогда ефрейтор казался дивом. А нынче гляньте: в плен генерала ведёт Неверов. Неверов – в плен генерала.

Вздохнул Каюров солдатской грудью. Вот отошла обида льдиной. И ветерану стал мил и дорог птенец Неверов, что день на фронте. Птенец Неверов и это время.

Другое время. Другие были.

Вниз и вверх

Полковник Шлиффен полком командовал. С полком и встретил час Курской битвы.

Во время Курского сражения фашисты несли огромные потери. Не составлял исключения и полк Шлиффена. И он утрушен. И он урезан. Прошло два дня, а полк, как ельник, войной разрежен.

Сосчитали в полку уцелевших. Как раз батальон набрался. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Слова говорил обидные. Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из остатков полка батальон составили. Хоть и остался полковник в чине, однако батальоном теперь командует.

Продолжается Курская битва. Несладки дела у Шлиффена. От батальона рота едва осталась. Вызвал Шлиффена генерал. Явился полковник на зов начальства.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Долго кричал генерал на Шлиффена. Словами стегал обидными.

Хотел обвинить в измене. Кончилось тем, что из батальона роту теперь составили. Хотя и остался полковник в чине, однако ротой теперь командует.

Сдержали наши напор фашистов. Начали контрнаступление. Растут у фашистов опять потери, редуют полки и роты, как кроны берёзок в студёную осень.

Отступает с войсками Шлиффен. Подводит итог по роте. В роте не больше взвода. Вот он взводом уже командует. Спускается Шлиффен всё ниже и ниже. Отделением уже командует. Ещё бы шаг...

Разорвало советским снарядом Шлиффена.

Там же, под Курском, сражался ефрейтор Хупке. Улыбнулась судьба солдату. Не думал Хупке совсем об этом. Не мечтал о продвижении вверх по службе. Был он ефрейтором. Был доволен. И вот чудеса приключились с Хупке.

В первый же день Курской битвы погиб командир отделения, в котором служил Хупке.

С этого всё началось.

Вызвал Хупке к себе лейтенант, командир их пехотного взвода. Прибыл Хупке на зов начальства.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Посмотрел лейтенант на Хупке. Глазами от пола до чёлки солдатской смерил.

– Гут! – сказал лейтенант.

Назначили Хупке командовать отделением.

Продолжается Курская битва. Всё злее бои, всё страшнее потери. Не минуют они и полк, в котором сражается Хупке. И вот в бою погиб командир их взвода.

Вызвал Хупке к себе капитан, командир их пехотной роты. Прибыл Хупке.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

Посмотрел капитан на Хупке. Царапнул от чёлки солдатской до пола взглядом.

– Гут! – сказал капитан.

Назначили Хупке командовать взводом.

Началось наше контрнаступление. Снова потери несут фашисты. Много фашистов тогда погибло. Был убит и капитан, командир роты, в составе которой сражался Хупке. И ротный убит, и взводные все убиты. Из командиров в живых лишь Хупке один остался. Вызвал Хупке к себе майор, командир их пехотного батальона. Прибыл Хупке.

– Хайль Гитлер!

– Хайль!

И вот назначен Хупке командовать ротой.

Поднимается Хупке всё выше и выше. Батальоном уже командует. Ещё шаг – и получит полк. Да закончилось вдруг продвижение. Столкнулся их полк с «катюшами». Лёг, как трава на покосе, полк.

А как же Хупке? Жив, представьте, остался ефрейтор Хупке.

Сдался нашим солдатам в плен.

«Кутузов»

Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов известен всем. Это под его командованием русская армия в 1812 году разгромила полчища французского императора Наполеона I и изгнала их из пределов России.

«Кутузов» – так была названа одна из советских военных наступательных операций во время Курской битвы. Верховный Главнокомандующий товарищ Сталин дал этой операции имя великого русского полководца. Цель операции «Кутузов» – окончательно разгромить фашистские войска, действовавшие севернее Курска, и освободить город Орёл. На город Орёл и направили свой удар советские войска.

Вокруг Орла фашисты создали мощную оборону. Минные поля, проволочные заграждения, глубокие окопы и укреплённые траншеи со всех сторон прикрывали подходы к городу. Обороной Орла командовал фашистский генерал Модель, который получил прозвище «Лев обороны».

Узнали наши солдаты про Моделя:

– Лев обороны! Посмотрим, что от фашистского льва останется.

В наступлении на фашистов, державших оборону в районе Орла, принимали участие сразу три фронта. Помимо Центрального, которым командовал генерал Константин Константинович Рокоссовский, Брянский и Западный. Первым ударил Западный. Он шёл с севера на Орёл.

Загремели, заговорили пушки. Началось то, что называют военные артиллерийской подготовкой. Вот закончится артподготовка, замолкнут пушки, и лишь тогда в атаку ринутся пехота и танки. Всё сильнее, сильнее гремят орудия. Ждут фашисты, когда закончится артподготовка, знают: раньше не быть атаке.

И вдруг перед фашистскими окопами появились советские войска. Не умолкают, грохочут пушки, а тут – войска!

– Как?

– Чудом каким?

– Откуда?!

В боях под Орлом был применён новый, советский военный приём: солдаты пошли в атаку, не дожидаясь конца артподготовки. Рвутся ещё снаряды. Укрылись фашисты поглубже в землю, забились в свои окопы. А наши солдаты уже в атаке. Идут сразу же за огневым валом, сразу же за разрывами наших снарядов.

Не ожидали фашисты такой атаки. Растерялись. Замешкались.

Упустили для действий ответных время.

Ударил Западный фронт, и тут же ударил с востока Брянский.

Заметались фашисты. Помощь нужна! Помощь!

Стягивают они войска с юга, оттуда, где стоял готовый к атаке на север Центральный фронт. А тут ударил Центральный фронт.

С севера, с юга, с востока пошли войска.

Сокрушили, смяли войска трёх советских фронтов фашистскую оборону. Ворвались в Орёл победители. По-кутузовски провели операцию «Кутузов».

Докладывают в Москве Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину:

– Ворвались в Орёл победители. По-кутузовски войска провели «Кутузова».

«Румянцев»

Румянцев тоже фельдмаршал. Тоже прославленный русский полководец. Отличился фельдмаршал Пётр Александрович Румянцев в сражениях с Турцией. Молодой генерал Суворов сражался в подчинении у Румянцева.

«Румянцев» – так называлась вторая наша наступательная операция, которую советские войска провели во время великой Курской битвы.

Задача «Румянцева» – ударить по войскам, которые находились южнее Курска, разгромить здесь фашистов, освободить город Белгород, с боем ворваться в Харьков.

Два фронта готовились к наступлению: Воронежский, которым командовал генерал Ватутин, и стоявший южнее Степной во главе с генералом Коневым.

Началась операция «Румянцев». И вот в одном из стрелковых полков оказался солдат Румянцев.

Смешно солдатам от такого совпадения. Говорят солдату:

– И операция – «Румянцев», и ты Румянцев!

– Ты, может, потомком будешь?

Посмотрел на солдат Румянцев.

– Потомок, – сказал боец.

– Да ну?!

– Откуда знаешь?

– А чем докажешь?

– Потомок, – усмехнувшись, опять повторил Румянцев.

Лих оказался в бою Румянцев, бил фашистов направо-налево. Пулям не кланялся. За спину других не лез.

– Братцы, вперёд! – увлекал солдат.

Смотрят солдаты.

– Хорош. Молодец. Ничего не скажешь! Настоящий, видать, солдат.

Сокрушили советские войска и здесь фашистскую оборону. С боем ворвались в Белгород. А вскоре освободили они и Харьков.

Повстречали солдаты солдата Румянцева. Не даёт покоя бойцам неясность.

– Признайся же, братец, ты потомок того Румянцева?

Посмотрел солдат на бойцов загадочно.

– Потомок, потомок. Все мы потомки, – сказал солдат. – Потомки

Румянцева. Внуки Кутузова.

Кто лучше сражался

Завершается Курская битва. И вот на привале сошлись солдаты. Курили, дымили, бои вспоминали. Кого хвалили, кого ругали. Озорные слова бросали. Потом притихли. И вдруг заспорили солдаты, кто под Курском лучше других сражался, кто почестей ратных и ратной славы больше других достоин.

– Лётчики – вот кто лучше других сражался, – брошено первое мнение.

– Верно!

– Верно! – пошла поддержка.

И верно, отличились под Курском лётчики. Били фашистов в небе. С неба врагов громили. Тут герой подпирал героя. Сама доблесть надела крылья.

– Лётчикам честь и слава. Почёт наш великий лётчикам, – соглашается чей-то голос. И тут же: – Однако под Курском не лётчики, а танкисты лучше других сражались. Танкисты по праву в первых.

Вот и второе возникло мнение.

– Танкисты!

– Танкисты! – дружно пошла поддержка.

И это верно. Высшей мерой явили под Курском себя танкисты. Грудью своей железной сломили они фашистов. Если скажешь: герои Курска – первым делом на память идут танкисты.

– Танкисты – народ геройский. Нет тут другого мнения, – снова раздался голос. – А всё же если тут говорить о первых, то первыми были под Курском артиллеристы. Артиллеристы, конечно, в первых.

Вот и добавилось третье мнение.

– Артиллеристы!

– Артиллеристы! – дружно пошла поддержка.

И это верно. Герои – другого не скажешь про артиллеристов. Говорили в те годы: артиллерия – бог войны.

– Артиллеристы, конечно, боги, – соглашается чей-то голос. – И всё же если речь тут идёт о первых, то, братцы, не к месту споры, пехота – вот кто законно в первых. Вот кто в боях под Курском сказал своё главное слово.

– Пехота!

– Пехота! – дружно пошла поддержка.

Спорят солдаты. Не рождается общее мнение. Начинается новый круг:

- Лётчики в лучших!
- Танкисты в первых!
- Артиллеристы!
- Пехота, братва, пехота!

Спорят солдаты. Спору конца не видно.

Чем бы закончилось, трудно сказать. Да только здесь пробасил над всеми басами голос:

- Слушай радио! Радио слушай!

Бросились все к приёмникам. В эфире гремит приказ. В честь великой победы под Курском, в честь взятия Орла и Белгорода объявлен салют победителям. В Москве, артиллерийскими залпами. Двенадцатью залпами из ста двадцати четырёх орудий.

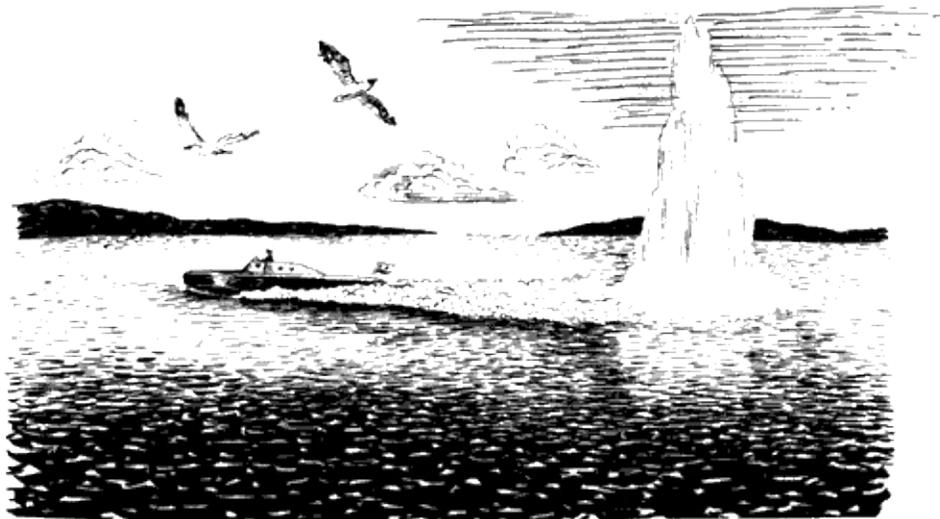
И тут же слова о героях битвы: о лётчиках и танкистах, об артиллеристах и пехотинцах. Все они вровень идут в приказе. Все они в главных, все они в первых. Всем им и честь и слава.

Салют в честь войск, освободивших Орёл и Белгород, был первым салютом Москвы победителям. С этого дня и пошли салюты.

Глава пятая

Матросское сердце

Тройка

Осенью 1941 года фашисты ворвались в Крым. Подошли к Севастополю. Началась героическая оборона Севастополя. Продолжалась она 250 дней. Блокировали город с суши. Путь к Севастополю – только морем. Но и морем пути опасны.

Морские пути к Севастополю враги заминировали.

Особенно грозными были магнитные мины. Чтобы взорвалась обычная мина, корабль должен был её задеть или на неё наткнуться. Магнитная мина взрывалась на расстоянии. Лежит на дне моря или залива такая мина, ждёт, когда над этим местом пройдёт корабль. Только оказался корабль над миной – сразу страшный взрыв.

Таковыми минами и перегородили фашисты морские подступы к Севастополю.

Старший лейтенант Дмитрий Глухов вызвался проложить для наших судов проход через поле магнитных мин.

– Проложить?

– Так точно! – по-армейски чеканит Глухов.

Старший лейтенант Глухов был командиром быстроходного морского катера. Катер маленький, юркий, быстрый. Он как игрушка в руках у Глухова. Пригласил как-то Глухов своих товарищей к берегу Севастопольской бухты. Сел в свой катер. Как метеор по воде пронёсся.

– Понятно? – спросил товарищей.

Ничего никому не понятно.

Снова отчалил от берега Глухов. Включил во всю мощь моторы. Вспенил катер морскую воду, понёсся по водной глади. Глянешь сейчас на Глухова – словно на тройке летит по морю.

Снова Глухов причалил к берегу.

– Понятно?

– Допустим, понятно, – отвечают ему офицеры. Догадались они, в чём дело.

Предложил Глухов на своём быстроходном катере промчатся по минному полю. Уверял он, что мины хотя и взорвутся, но не заденут катер. Прускают катер. Сзади мины будут уже взрываться.

– Да я тут всё подсчитал, – заявляет Глухов. Доложил он командирам свои подсчёты. Цифры разные на листке. – Вот скорость катера, вот время, необходимое для взрыва мины. Вот расстояние, на которое за это время от места взрыва отойдёт катер, – перечисляет Глухов.

Смотрят командиры на цифры.

– Всё без ошибки, – уверяет Глухов.

Посмотрели командиры на Глухова. Дали ему разрешение.

И вот катер дельфином метнулся в море. Смотрят за ним командиры. Прошёл катер совсем немного. И сразу страшный взрыв. Брызги вулканом рванулись к небу.

– Погибли?!

– Волной накрыты?!

Но вот осели, как листья, брызги.

– Живы! Целы! – вздохнули с облегчением на берегу.

Мчится катер стрелой вперёд. И снова взрыв. И снова к небу вода вулканом. За этим – третий, четвёртый... Одиннадцать взрывов качнули небо. Открылся проход через минное поле. Развернулся катер. Помчался к берегу. Весел Глухов. Ликует Глухов. Посмотрите сейчас на Глухова. Словно не катер, а лихая тройка летит по морю.

Учитель

До войны солдат Трубников был учителем. Русский язык преподавал в школе.

Под Севастополем Трубников сражался в стрелковой роте. Во время одного из боёв во фланг роте ударили две фашистские пушки. Били фашисты точно и большой урон наносили нашим.

Командир роты вызвал к себе группу бойцов. Среди них оказался и Трубников.

Дал командир бойцам боевое задание – подобраться незаметно к фашистским пушкам и заставить их замолчать.

– Заткнуть им глотки! – кратко сказал командир.

– Ясно, – бойцы ответили.

– Понятно, – ответил Трубников.

В группе Трубников был за старшего. Взяли бойцы автоматы, патроны, гранаты. Отправились в путь солдаты.

Перебежками, шагом, ползком, рывком, прижимаясь к земле и скалам, подобрались солдаты к фашистским пушкам. Метнули гранаты, автоматный огонь открыли. Перебитой лежит прислуга.

Подбежали солдаты к пушкам:

– Давай гранаты.

Достали бойцы гранаты.

– Взрывай их, братцы!

На пушки смотрят:

– Заткнём им глотки!

– Минутку. Стойте, – сдержал бойцов Трубников.

Повернулись бойцы на голос.

– Зачем же пушкам вдруг быть немыми, – сказал, улыбнувшись солдатам, Трубников. – Научим лучше их русской речи.

Не сразу смекнули бойцы, в чём дело: речь о какой здесь речи?

И вдруг поняли. У пушек горы лежат снарядов. Зачем же гибнуть зазря снарядам!

Зарядили солдаты пушки.

Развернули солдаты пушки.

– Огонь! – скомандовал Трубников.

Ударили пушки туда – по фашистам. Взорвали округу могучим басом.

За выстрелом первым второй и третий. За третьим четвёртый, шестой,

десятый...

– Ну как – по-русски? – кричит Трубников.

– По-русски, по-русски, по-нашенски, – в ответ солдаты.

Заговорили по-русски фашистские пушки.

Возвращались солдаты в родную роту. Шагает со всеми Трубников.

– И вправду – учитель, – смеются солдаты.

Особое задание

Задание было необычным. Называлось оно особым. Командир бригады морских пехотинцев полковник Горпищенко так и сказал:

– Задание необычное. Особое. – Потом переспросил: – Понятно?

– Понятно, товарищ полковник, – ответил старшина-пехотинец – старший над группой разведчиков.

Был он вызван к полковнику один. Вернулся к своим товарищам. Выбрал в помощь двоих, сказал:

– Собирайтесь. Задание выпало нам особое.

Однако что за особое, пока старшина не говорил.

Дело было под новый, 1942 год. Ясно разведчикам: в такую-то ночь, конечно, задание сверхособое. Идут разведчики за старшиной, переговариваются:

– Может, налёт на фашистский штаб?

– Бери выше, – улыбается старшина.

– Может, в плен генерала схватим?

– Выше, выше, – смеётся старший.

Переправились ночью разведчики на территорию, занятую фашистами, продвинулись вглубь. Идут осторожно, крадучись.

Опять разведчики:

– Может, мост, как партизаны, идём взрывать?

– Может, на фашистском аэродроме произведём диверсию?

Смотрят на старшего. Улыбается старший.

Ночь. Темнота. Немота. Глухота. Идут в фашистском тылу разведчики. Спускались с кручи. На гору лезли. Вступили в сосновый лес. Крымские сосны вцепились в камни. Запахло приятно хвоей. Детство солдаты вспомнили.

Подошёл старшина к одной из сосенок. Обошёл, посмотрел, даже ветви рукой пощупал.

– Хороша?

– Хороша, – говорят разведчики.

Увидел рядом другую.

– Эта лучше?

– Сдаётся, лучше, – кивнули разведчики.

– Пушиста?

– Пушиста.

– Стройна?

– Стройна!

– Что же – к делу, – сказал старшина. Достал топор и срубил сосенку. – Вот и всё, – произнёс старшина. Взвалил сосенку себе на плечи. – Вот и управились мы с заданием.

– Вот те и на, – вырвалось у разведчиков.

На следующий день разведчики были отпущены в город, на новогоднюю ёлку к детям в детский дошкольный подземный сад.

Стояла сосенка. Стройна. Пушиста. Висят на сосенке шары, гирлянды, разноцветные фонарики горят.

Вы спросите: почему же сосна, не ёлка? Не растут в тех широтах ёлки. Да и для того, чтобы сосенку добыть, надо было к фашистам в тылы пробраться.

Не только здесь, но и на Корабельной стороне, и в Инкермане, да и в других местах Севастополя зажгли в тот нелёгкий год для детей новогодние ёлки.

Видать, не только в бригаде морских пехотинцев у полковника Горпищенко, но и в других частях задание для разведчиков в ту предновогоднюю ночь было особым.

«Крокодил»

Откуда её раздобыли – толком никто не знал. Одни уверяли: было это ещё до Крыма. Другие: уже в Крыму. Мол, подобрали на крымских дорогах. Лежала она на боку в кювете. Оттуда сюда в Севастополь и притащили машину волоком.

Автомашина марки «ЗИС-101» была не частым в те годы явлением. Лучшей считалась маркой. Мотор у машины мощный. Кузов вместительный, длинный. Отличный ход. Отремонтировали, восстановили черноморцы автомашину. Маскировочной краской покрыли – в зелёный и чёрный цвет.

Как крокодил, получилась на вид машина. «Крокодилом» её и прозвали.

Попал «крокодил» в бригаду морских пехотинцев к полковнику Евгению Ивановичу Жидилову, стал он затем генералом.

Не знал усталости «крокодил». Носился по батальонам, по ротам, то в штаб, то из штаба, то к начальству, то от начальства, то в Севастополь в тыловые части бригады, то на командный пункт.

Привык «крокодил» к бригаде. И в бригаде как свой пришёлся. Полюбили его солдаты:

- Привет, «крокодил»!
- Как дела, «крокодил»?
- Что там нового слышно в штабе?

Оказалась машина на редкость выносливой. А главное, был

«крокодил» удачливым. Фашистские самолёты за ним гонялись. Открывали огонь фашистские миномётчики. Не вспомнишь здесь всех историй. Как-то зимой застрял «крокодил» в снегу. Сразу же появился фашистский лётчик. Не уйдёшь, «крокодил»! В руках «крокодил»! Стал лётчик делать над машиной боевые заходы, бросал бомбы, входил в пике. Патроны все до единого расстрелял. Цел «крокодил», как новенький. Хоть бы одна царапина.

Затем, по весне, снова застрял «крокодил». Распутица. Буксует машина. Ни с места. Схватила колёса весенняя хлябь. Взяла машину в прицел фашистская артиллерия. Открыли пушки по ней огонь. Укрылись Жидилов и шофёр рядом в глубоком окопе. Машина, словно на полигоне, стоит на открытом месте.

Солдаты, что были в окопе, считают взрывы. Считает шофёр. Считает и сам Жидилов. Десять, двадцать, сорок, сорок четыре. Сорок четыре снаряда, и все в «крокодила». Прощай, боевой товарищ.

Стих огонь. Поднялись бойцы из окопа. Смотрят – глазам не верят. Цел, невредим «крокодил» – хоть бы одна занозина.

Бывало, конечно, всякое. Война есть война. Боец есть боец. И «крокодил» получал ранения. Ходил в «повязках», ложился в «госпиталь». Вновь автомобильные мастера поднимали машину к жизни.

Честно нёс службу свою «крокодил». Как равный в строю отважных.

Не стало его случайно. Погиб от фашистской бомбы. Стоял у штаба. Дремал без дела. Ударил бомба прямым попаданием. Был «крокодил» и нет.

Не скоро забыли бойцы машину. Часто вспоминали отважный «ЗИС». Так и во всём бывает. Честно прошёл по жизни – долго хранится след.

Богатырские фамилии

Отличившихся воинов представляли к наградам. Штаб. Два офицера. Младший по званию. Старший по званию. Младший зачитывает наградные листы, называет фамилию отличившегося, докладывает старшему, за что и к какой представлен боец награде.

Чётко идёт работа:

- Найда.
- Кахаров.
- Кули-заде.

Приятно офицерам читать о героях:

- Беспалов.
- Каралов.
- Омаров.
- Дзесов.

Читая одну из бумаг, чуть задержался младший.

- Ну что там? – поторопил его старший.
- Вот молодец. Вот молодец, – восхищается младший.
- Кто же?
- Герой! Орёл!
- Кто же?!
- Богатырь, – откликается офицер.
- Фамилия как?
- Богатырь, – опять о своём офицер.

Поднял старший начальник глаза на младшего:

- Фамилия?
- Иван Богатырь, – улыбается офицер.

Посмотрел недоверчиво старший на младшего.

- Иван Богатырь, – повторяет младший и тянет бумагу старшему.

Действительно, под Севастополем сражался Иван Богатырь. Был он ефрейтором. Был пулемётчиком. Оставшись один в окопе, он принял неравный бой с фашистами. Герой был ранен в голову, контужен, затем ранен в правую руку, но продолжал сражаться. Пять часов до прихода помощи удерживал Иван Богатырь свою позицию. Многих фашистов уничтожил в этом бою солдат. Прочитал старший офицер наградной лист о подвиге Ивана Богатыря.

- Герой! Орёл! – согласился офицер.

Потом полистал другие бумаги. Прочитал про другие подвиги. Глазами прошёл по фамилиям. Читает: Линник, Главацкий, Гахокидзе, Байда, Умеркин, Спирин...

– Молодцы, молодцы, – произносил офицер.

Пулемётчик Иван Иванович Богатырь, пехотинец ефрейтор Павел Дмитриевич Линник, политрук роты Георгий Константинович Главацкий, политрук другой роты Михаил Леванович Гахокидзе, старший сержант разведчица Мария Карповна Байда, артиллерист младший лейтенант Абдулхак Умеркин, пехотинец старший лейтенант Николай Иванович Спирин – все они были воистину богатырями. Все они, а вместе с ними и многие другие за свои подвиги, совершённые при защите Севастополя, стали Героями Советского Союза.

Вновь посмотрел офицер на фамилии:

– Нет здесь простых. Богатырские все фамилии.

Константиновский рavelин

Северная часть Севастополя. Выход из бухты. Начало моря. Здесь у моря поднялась крепость. Это Константиновский рavelин.

Любой корабль, входя в Севастополь, не обойдёт, не минует Константиновский рavelин. Не минуешь его и при выходе. Константиновский рavelин как страж, как часовой у ворот Севастополя.

1942 год. Июнь. Всё сильнее фашистский удар на севере. Наступают фашисты. Вводят новые силы. Всё труднее, труднее нашим. Прорвались фашисты с севера. Овладели Северной стороной. Вышли к бухте, к морскому берегу. Лишь рavelин дерётся.

Вместе со всеми в бою морской офицер Иван Кулинич. Азартен в бою Кулинич. Вот он стоит на виду у моря. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Сражается рavelин. Волком вцепились в него фашисты. Снаряды, как молот, дробят округу.

Не сдаётся Константиновский рavelин.

Бомбят рavelин самолёты. Танки в стены чуть ли не лбами бьют.

Всё меньше и меньше в живых героев. И всё же стоят герои. Прикрывают отход своих. В эти дни корабли Черноморского флота вывозили из города раненых. Сдать рavelин фашистам – значит отрезать нашим судам путь из бухты в открытое море. Удержались герои до нужного срока. Не подпустили фашистов к берегу. Ушли без потерь корабли из бухты.

Ушли корабли. Опустела бухта. Долг до конца исполнен. Прибыл теперь приказ, чтобы и сами герои покинули рavelин. Простились матросы с крепостью. Все ушли. Лишь один остался – Иван Кулинич. Взорвать рavelин, уничтожить запас снарядов – с этой целью и задержался теперь Кулинич. Отправил минёров:

– Я – сам! Я – сам!

Вот он стоит на виду у неба. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Вновь атакуют фашисты крепость. Не отвечает фашистам крепость. Осмелели фашисты:

– Форвертс! Вперёд!

Ворвались фашисты в крепость. Видят – стоит комиссар. Китель моряцкий в дыму, в ожогах...

Устремились к нему фашисты. Рты исказились в победном крике.
Несутся фашисты. Предпоследний, последний шаг.

– Получайте, – тихо сказал Кулинич. Повернул механизм подрывной машины.

И в ту же секунду поднял землю страшный взрыв. Взлетели фашисты к небу.

Погиб морской офицер Кулинич.

Мстили фашисты потом равелину, хотели сровнять с землёй. Шипели мины. Рвались запалы. Но он стоял. Вскипало море. Гудели скалы. Но он стоял.

То кровь героев скрепила стены. То подвиг смелых жил в этих стенах.

Он и нынче стоит у моря – страницей славы, страницей боли – Константиновский равелин.

Безупречный

В сухопутную роту попал матрос. Был зачислен как пополнение. Спрыгнул матрос в солдатский окоп:

– Как у вас тут, братишки, в трюме?

Это окоп окрестил он трюмом.

Переглянулись солдаты. Окоп как окоп. Хороший окоп – ничего не скажешь.

Занял матрос ячейку в окопе:

– Ну что ж – неплоха каюта.

Как повелось, к новичку вопросы: откуда прибыл, как звать, какова фамилия?

Объяснил матрос, что эсминец его погиб. Про имя сказал – Иван. Про фамилию – повёл пальцем у бескозырки. Там по околышку шла лента. На ленте было написано «Безупречный».

Прочли солдаты:

– Фамилия?

– Так точно.

– Да ну?! – поразились солдаты.

Поняли многие: шутит матрос. (Слова на бескозырке означали название корабля, на котором служил моряк.) Однако нашлись и такие, которые матросским словам поверили. Так и стал он – Иван Безупречный.

Были последние дни Севастопольской обороны. Фашисты захватили Северную сторону. С юга ворвались в Балаклаву. Потеснили наших на западе у Федюхиных высот. Совсем немного свободной земли у защитников Севастополя.

Безупречный сражался на Северной стороне. Затем, когда фашисты здесь вышли к Северной бухте и захватили Константиновский рavelин, матроса под Балаклавой видели.

– Безупречный?

– Так точно, он!

Потом под Инкерманом матроса встретили.

– Безупречный?

– Так точно, он!

Затем он был на Сапун-горе. До последнего патрона сражался матрос. А когда вышли патроны – видят солдаты: поднял черноморец с вершины Сапун-горы камень. Встал во весь рост. Швырнул камень врагам навстречу.

– Сдавайся! Сдавайся! – кричали фашисты.

– Моряки не сдаются! – кричал матрос. И снова камень летел в фашистов.

Потом потерялся матроса след. Выжил герой, погиб – не сохранилось о том в истории. Фамилия тоже осталась его неизвестной. Однако если спросишь:

– Был Безупречный?

Ответят:

– Был.

Свято бился матрос за родную землю. Безупречным для всех остался.

Мы пришли, Севастополь!

В июне 1942 года прибыл приказ оставить войскам Севастополь.

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идёт мощное советское наступление. Фашисты разбиты под Сталинградом. Разбиты в боях под Курском. Советские войска переправились через Днепр, погнали врага на запад. Началось стремительное наступление советских войск и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. 6 мая 1944 года начался штурм Севастополя.

– Даёшь Севастополь!

– Сева-сто-поль!

– Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бойцы штурмовали Сапун-гору. Поднялась гора у города, прикрыла собой Севастополь. Возьмёшь Сапун-гору – и твой Севастополь.

– Да-ёшь Севастополь!

Кипит на горе сражение. Укрепили фашисты гору. Шесть линий траншей пролегли по скатам. Тысячи мин облепили склоны.

Куда ни глянешь – завалы, накаты, доты. Негде ступить ногой.

Штурмуют войска вершину. Дырявят снаряды гору. Трещат завалы, накаты, доты. Железо и камень взлетают к небу. Залп за залпом, как волны в море, несут на гору потоки стали. И ярость боя крушит округу. Как адский молот грохочут взрывы. И даже страшно: чуть взрыв сильнее ударит в гору, и та, уставши, возьмёт и треснет. Расколют гору огонь и ярость. Идёт сраженье. И всё сдаётся: ещё минута – и воин в штурме, в победной силе, упрётся в гору и гору сдвинет.

Вместе со всеми штурмовал Сапун-гору и солдат Иван Яцуненко. Хорошо, когда друзья и товарищи рядом. Легче в общей идти атаке. Рядом бежит старший сержант Евгений Смелович.

Знамя полка у него в руках.

Обернулся на миг Яцуненко. Глянул туда, за спину, вниз со ската Сапун-горы. Видит: наши танки идут лавиной. Глянул в небо. На Сапун-гору обрушились советские штурмовики. «Катюши» из долины на гору смертельный пунктир послали. А там между гор у Балаклавы, где мелькнула полоска моря, увидел Яцуненко советские военные корабли. И черноморцы в бою со всеми.

– Сева-сто-поль!

– Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

Бежит Яцуненко, разит фашистов, увлётся боем.
Вдруг что такое? А где Евгений Смелович? Где знамя части?
Оказалось, упал Смелович. Был он ранен. Качнулось знамя. Но удержалось. Это подбежал Иван Яцуненко. Схватил он знамя.

– Давай, отважный! – кричат солдаты.

– Вперёд, к победе!

Рванулся воин туда, к вершине. Минует взрывы, обходит пули. Всё выше знамя. Всё ближе гребень. Прыжок олений – и ты у цели.

Поднял Иван Яцуненко знамя на вершину Сапун-горы. Заалело знамя на фоне неба.

А слева, справа другие стяги, касаясь славы, шагали к гребню.

И вот с вершины открылся город.

– Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

– Да-а-ёшь Сева-сто-поль!

– Мы пришли, Севастополь!

За штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя более ста человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В их числе был и солдат-знаменосец рядовой Иван Яцуненко.

Матросское сердце

Прощался матрос с Севастополем. Два года тому назад.
Поклонился он морю и солнцу. Бухте Северной, бухте Южной.
Простился с Приморским бульваром и Графской пристанью.
Прощайте, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона.
Прощался матрос с Севастополем. Сердце в черноморских волнах оставил. Клятву вернуться дал.

Бросала судьба по фронтам матроса. Вдали от моря с врагом сражался.
Вспоминал Севастополь. Море и солнце. Графскую пристань, бульвар Приморский.

Как там курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона?

– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Лют, беспощаден в боях матрос.

Бывало, друзья к матросу:

– Ты что же, сердца, никак, лишился?

Отвечает друзьям матрос:

– Нет сердца – там, в Севастополе в море, сердце своё оставил.

Нелёгкие годы провёл матрос. Ранен, контужен, увечен, калечен.
Снарядами сечен, минами мечен.

Но жив, не убит матрос.

– Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Вяз в болотах, тонул на переправах. Дожди исхлестали. Кожу сдирал мороз.

Устоял, не погиб матрос.

До Волги дошёл матрос. От Волги шагал матрос. Дрался под Курском.
Путь пробивал к Днепру. Славу матросскую нёс, как факел.

Слово сдержал матрос. Вернулся в родной Севастополь.

Вернулся матрос в Севастополь.

– Здравствуйте! – крикнул он морю и солнцу.

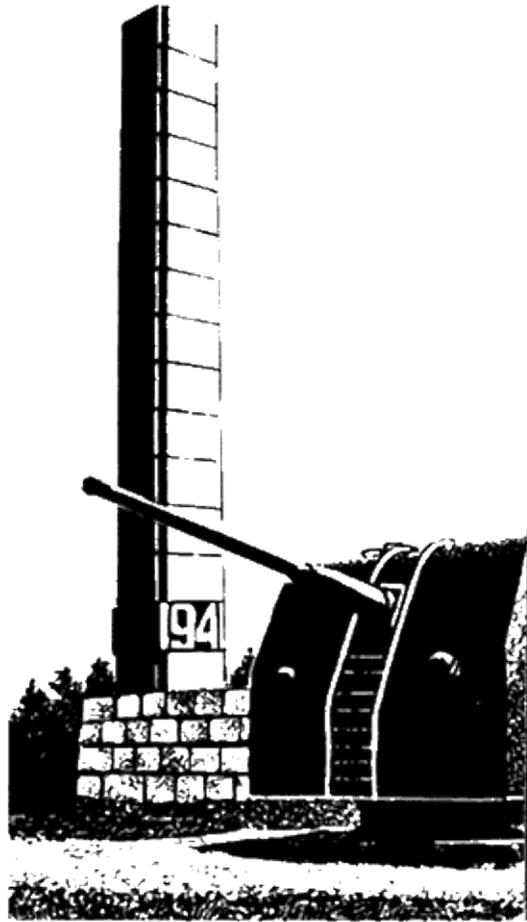
– Здравствуйте! – крикнул он бухте Северной, бухте Южной.

– Здравствуйте! – крикнул бульвару Приморскому, Графской пристани.

– Привет вам, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона!

Слово сдержал матрос. Вышел он к морю. На флагштоке у Графской пристани бескозырку, как флаг, повесил.

Отдали волны матросское сердце. Трепетно вынесли на руках.

Глава шестая
Праздничный обед

Разгрузка-погрузка

В 1941 году, бросив в бой огромные силы, фашисты подошли к Ленинграду (теперь этот город называется Санкт-Петербург), отрезали город от всей страны. Началась блокада. Начались страшные дни Ленинграда.

Не было топлива.

Замерло электричество.

Вышел из строя водопровод.

Начался голод.

По Ленинграду ходила смерть.

Но не сдавался город.

Фашисты постоянно атаковали и обстреливали Ленинград. С суши, с моря, с воздуха. Бросали на город даже морские мины.

В городе начались пожары.

Рушились дома от обстрелов.

Люди погибали в домах и на улицах.

Но ленинградцы держались.

– Ленинград в блокаде! – набатом несло по стране. Вся страна пыталась помочь осаждённому городу.

900 дней и ночей находился Ленинград в осаде. Выстоял город. Не взяли его фашисты.

Почти со всех сторон Ленинград был окружён врагами. Долгим, кружным и тяжёлым путём поступали грузы в блокадный город.

Начинался их путь из города Вологды. Сюда, в город Вологду, поступали грузы со всей страны. Здесь переносились они в вагоны. Готовы вагоны. Сигнал к отправке. Пошли по железной дороге грузы.

Бегут вагоны на город Тихвин и дальше на город Волхов. Здесь в Волхове – стоп, остановка. Дальше железной дороги нет. Дальше дорога в руках у фашистов.

Город Волхов стоит на реке Волхов. Здесь грузы из железнодорожных вагонов перемещались на речные баржи. Закончилась разгрузка-погрузка, поплыли грузы по реке Волхову к Ладожскому озеру.

Тут их опять перегружали: с барж речных на баржи озёрные. Пересекли баржи Ладожское озеро. И вновь их ожидает разгрузка-погрузка. Теперь в вагоны временной узкоколейной железной дороги.

Через какое-то время снова разгрузка-погрузка. Теперь уже в вагоны обычной железной дороги. Но и это ещё не всё. Впереди ещё одна разгрузка-погрузка. На этот раз на грузовые автомашины.

Вот каким сложным путём в Ленинград доставлялись грузы.

На всём длинном пути звучала одна команда:

– Разгружай!

– Погружай!

– Разгружай!

– Погружай!

Путь грузов в Ленинград через Тихвин и Волхов был единственным.

И вдруг – взяли фашисты Тихвин. Отрезали Волхов.

Не идут к Ленинграду грузы.

Семь потов

Захвачен врагами Тихвин. Оборвались пути в Ленинград. Однако нельзя оставлять Ленинград без помощи. Было принято решение построить новую дорогу к Ладожскому озеру. Правда, не железную – очень долго железную строить. Начали строить дорогу автомобильную, дорогу для грузовых машин.

Километр за километром, километр за километром через топи, леса, чащобы, через овраги, низины, болота, там, где раньше ходил лишь зверь, где душу живую не сыщешь, – ныне прошла дорога.

Двести километров длиной дорога. Строили – двадцать дней.

– Дорога! Дорога! Строят дорогу! – кричали Мишак и Гринька.

Живут они оба в селе Новинка. Через Новинку и тянули как раз дорогу.

Здесь проходит один из наиболее трудных участков пути. Болота кругом. Строили дорогу военные. Вышла на помощь и вся Новинка. Старый и малый, здоровый, калеченый – все оказались здесь. Опустела Новинка. Все на дороге. Мишак и Гринька тоже пришли с лопатами. Начался штурм болота. Уж сколько камней и земли здесь насыпали. Возили, возили машины землю. Таскали, таскали носилки люди. Бросали, бросали лопаты землю в бездонную хлябь.

Старались люди. Старались мальчишки. Кто-то сказал, глянув на Мишака и Гриньку:

– Гони до седьмого пота!

– Ну как? – обращается к Гриньке Мишак.

– Пропотел, – отвечает Гринька.

– Ну как? – обращается Гринька.

– Пропотел, – отвечает Мишак.

Раз пропотели, два пропотели, три пропотели.

По миллиметру растёт дорога.

– Ну как? – вновь обращается к другу Гринька.

– Вновь пропотел, – говорит Мишак.

– И я, – отвечает Гринька.

Пять пропотели раз, шесть пропотели раз. Дошли до седьмого пота.

Ура! Пробилась дорога через болото.

Пробилась дорога через болото. А за этим болотом ещё болото.

И снова люди носилки, лопаты в руки. Черепахой, улиткой ползёт дорога. Покрылись люди десятым, двадцатым потом. Осилили всё же и это

болото. А за этим болотом снова лежит болото. И снова работа, работа, работа...

Свершилось земное чудо – дорога готова за двадцать дней.

Дорога, конечно, средняя. Не асфальт, не бетон, не гудрон.

И всё же идёт дорога.

Дорога, конечно, узкая. Не всюду разъедутся две машины.

И всё же идёт дорога.

Дорога, конечно, не очень быстрая. Хорошо, если проедешь около сорока километров в день.

И всё же идёт дорога. И всё же идут машины. Вновь идут к Ленинграду грузы.

«Дорога жизни»

В ноябре 1941 года над Ладожским озером наступили морозы. Замёрзла, остановилась дорога по воде через Ладожское озеро.

– Будет дорога! – сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Непокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер – сиверик – появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким. А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?

– Растёт.

– Нарастает.

– Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

– Быстрее, быстрее, – кричат Ладоге. – Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные гидрологи, это те, кто изучает воду и лёд, прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи – выдержал лёд.

Прошли строители – выдержал лёд.

Майор Можаяев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал – выдержал лёд.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов – один из командиров Ленинградского фронта – на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна, а за ней и другие.

Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютой мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога – смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её назвали.

Праздничный обед

Обед был праздничным, из трёх блюд. О том, что обед будет из трёх блюд, ребята детского дома знали заранее. Директор дома Мария Дмитриевна так и сказала:

– Сегодня, ребята, полный у нас обед: первое будет, второе и третье.

Что же будет ребятам на первое?

- Бульон куриный?
- Борщ украинский?
- Щи зелёные?
- Суп гороховый?
- Суп молочный?

Нет. Не знали в Ленинграде таких супов. Голод косит ленинградцев. Совсем другие супы в Ленинграде. Приготовляли их из дикорастущих трав. Нередко травы бывали горькими. Ошпаривали их кипятком, выпаривали и тоже использовали для еды.

Назывались такие супы из трав – супами-пюре. Вот и сегодня ребятам – такой же суп.

Миша Кашкин, местный всезнайка, всё точно про праздничный суп пронюхал.

– Из сурепки он будет, из сурепки, – шептал ребятам.

Из сурепки? Так это ж отличный суп. Рады ребята такому супу. Ждут не дождутся, когда позовут на обед.

Вслед за первым получают сегодня ребята второе. Что же им на второе будет?

- Макароны по-флотски?
- Жаркое?
- Бигус?
- Рагу?
- Гуляш?

Нет. Не знали ленинградские дети подобных блюд.

Миша Кашкин и здесь пронюхал.

– Котлеты из хвои! Котлеты из хвои! – кричал мальчишка.

Вскоре к этому новую весть принёс:

- К хвое – бараньи кишки добавят.
  - Ух ты, кишки добавят! Так это ж отличные будут котлеты.
- Рады ребята таким котлетам. Скорей бы несли обед.

Завершался праздничный обед, как и полагалось, третьим. Что же будет сегодня на третье?

- Компот из черешни?
- Запеканка из яблок?
- Апельсины?
- Желе?
- Суфле?

Нет. Не знали ребята подобных третьих.

Кисель им сегодня будет. Кисель-размазня из морских водорослей.

– Повезло нам сегодня. Кисель из ламинарии, – шептал Кашкин. – Ламинирии – это сорт водорослей. – Сахарину туда добавят, – уточнял Кашкин. – По полграмма на каждого.

– Сахарину! Вот это да! Так это ж на объеденье кисель получится. Обед был праздничный, полный – из трёх блюд. Вкусный обед. На славу.

Не знали блокадные дети других обедов.

Таня Савичева

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде.

Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час. утра. 1941 г.».

Женя – это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.».

Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем:

«Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.».

Лека – это брат Тани.

Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 год».

Ещё одна страница. Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка:

«Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942».
Вот страница с буквой «М». Читаем:
«Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942».
Долго сидит на дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой
«С». Пишет: «Савичевы умерли».
Открывает страницу на букву «У». Уточняет:
«Умерли все».
Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О».
Написала:
«Осталась одна Таня».
Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда.
Но не долго прожила Таня.
От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье. Не стало и
Тани Савичевой.
Скончалась Таня. Дневник остался.
– Смерть фашистам! – кричит дневник.

Шуба

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полуторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Охты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект – это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одиночками. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке – кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полуторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят – сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

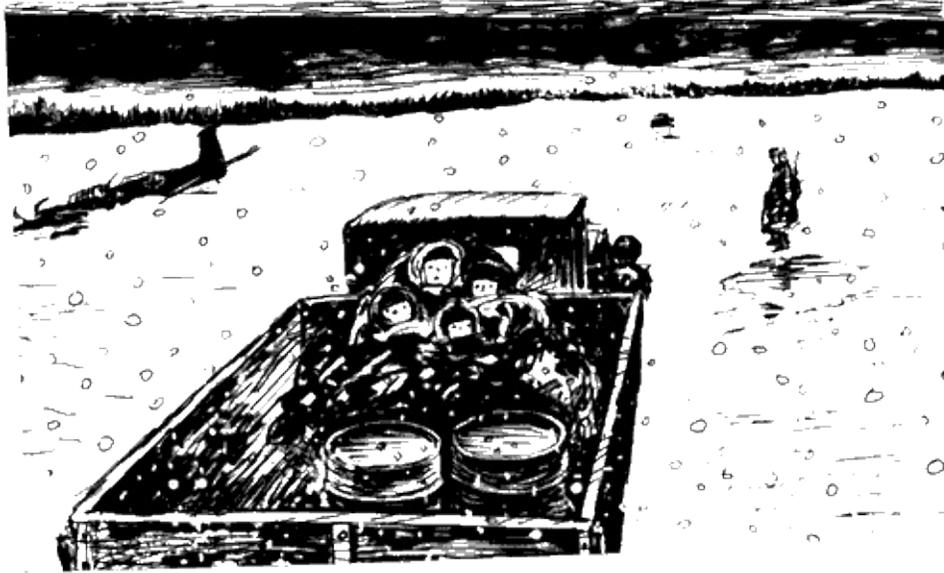
И вдруг... Затормозила, остановилась полуторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит:

– Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп:

– Да как же вы... Да, право, мы...

– Бери, бери! – прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята – шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке – кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий, далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг...

– Эх, была не была! – махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

Медицинское задание

Галя Сорокина медицинская сестра. Только-только закончила медицинские курсы. Прибыла по назначению в один из ленинградских госпиталей.

Давно мечтала Галя стать медицинской сестрой. Училась прилежно. Торопила время. Ждала той минуты, когда наконец с полным правом наденет медицинский халат, представляла, как будет перевязывать раненых, как будет за ними ухаживать, как начнут её раненые нежно называть сестричкой.

Прибыла Галя по назначению.

– Медсестра?

– Медсестра, – отвечает Галя.

– Очень хорошо, – говорят Гале.

Посмотрели на Галю. Девушка стройная, крепкая, вид спортивный. Принесли, поставили перед Галей два ведра.

– Вот, – говорят, – для первого знакомства первое вам медицинское задание.

Смотрит Галя на ведра. Понимает: что-то не то. Какое же задание медицинское с ведрами?!

Фашисты не прекращали бомбить и обстреливать Ленинград. Не только ленинградским заводам, не только ленинградским домам наносили они урон. Бомбы и снаряды попадали в мосты, обрывали электрические провода, выводили из строя водопровод, разрушали насосные станции.

В такие часы начинался общий аврал. Рабочие-мостовики начинали чинить мосты. Рабочие-электрики быстро восстанавливали повреждения на линиях электропередач. Рабочие-водопроводчики быстро меняли повреждённые трубы, быстро восстанавливали насосные станции. Не смогли фашисты нарушить нормальную жизнь города. Снова шёл электрический ток. Снова бежала вода в квартиры.

Беда пришла неожиданно. То, что оказалось не под силу фашистским бомбам и снарядам, сделали холода. Ударили сильные морозы. Замёрз, застыл, остановился ленинградский водопровод.

Страшная беда нависла над городом.

Заводам нужна вода.

Хлебозаводам нужна вода.

Больницам нужна вода.

Вода, вода, всюду нужна вода. Мёртв ленинградский водопровод.

Город спасала река Нева. Здесь в невском льду прорубили проруби. С самого утра тянулись сюда ленинградцы. Шли с вёдрами, с кувшинами, с бидонами, с кастрюлями, с чайниками. Шли цепочкой, один за одним. Старики здесь, старухи, женщины, дети. Нескончаем людской поток.

Идти на Неву за водой и было первым медицинским заданием Гали Сорокиной. Не одна только Галя, несколько их, медицинских сестёр, стали носить для госпиталя воду.

Как-то встретился Гале военный:

– Кто вы?

– Водяная сестра, – отвечает Галя.

– Кто, кто?

– Водяная сестра, – повторяет Галя.

Как-то встретился Гале гражданский:

– Кто вы?

– Водяная сестра.

– Кто, кто?

– Водяная сестра, – отвечает Галя.

Стала она и её подружки действительно водяными сестрами. Так называли теперь их в госпитале.

Честно трудилась Галя. Понимала: и впрямь медицинским явилось её задание.

Глоток простой студёной невской воды был часто для раненых дорожке многих самых ценных лекарств.

Не вернулась однажды в госпиталь Галя.

Продолжали фашисты безжалостно обстреливать Ленинград.

Посылали на город снаряды огромной мощности.

Попала Галя под фашистский артиллерийский обстрел. Погибла при взрыве снаряда девушка.

Похоронили Галю на Пискарёвском кладбище. Тысячи десятки тысяч ленинградцев, погибших в дни фашистской блокады, покоятся тут в могилах.

Пискарёвское кладбище ныне – огромный мемориальный памятник. В вечном молчании, высоко-высоко поднялась здесь фигура скорбящей женщины. Цветы и цветы кругом. И как клятва, как боль – слова на граните: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Трамвай

«Неустрасимый» – его прозвали. Действительно был он отважным. Он – это ленинградский трамвай.

Бегут вагоны по рельсам, наполняют город трамвайным звоном. Ходил он по Невскому, Садовой, Литейному. Спешил к заводам – к Кировскому, к Балтийскому, к Металлическому. Торопился на Васильевский остров, на Московский проспект, на Охту. Звонко бежал по Лиговке.

Много дел у трамвая было: людей – на работу, людей – с работы. Грузы – к отправке, грузы – с доставки. Если надо – бойцов перебрасывал. Если надо – снаряды к бойцам подбрасывал.

Всё хуже в Ленинграде с топливом, с горючим, с электроэнергией.

Остановился автобус. Нет горючего для автобуса.

Не ходит троллейбус. Нет электроэнергии для троллейбуса.

Только он, трамвай – коренной ленинградец, бегаёт.

Беспокоятся жители. Тревожатся за трамвай. Утром выходят на улицы, смотрят, ходит ли их трамвай.

Радость на лицах:

– Ходит!

Нелегко приходилось трамваю. Под огнём фашистов ходил трудяга. Провода обрывало. Корёжило рельсы. Даже в трамвай попадали порой снаряды. Разносило вагоны в щепы.

Тревожились жители. Беспokoятся за трамвай. Просыпаются утром: ходит ли их трамвай?!

Радость на лицах:

– Ходит!

Но вот к концу 1941 года совсем плохо стало с электроэнергией в Ленинграде. Всё реже и реже выходит трамвай на линии.

В январе 1942 года остановился, заглох трамвай. Замерли стрелки. Ржавеют рельсы.

– Остановился!

– Всё!

Оборвалось что-то в душе у ленинградцев. Уходило с трамваем многое.

Истощены, измучены блокадой и голодом ленинградцы. И всё же:

– Восстановим, пустим трамвай, – сказали.

Работали дружно. Все. Взрослые. Дети. Рабочие и инженеры. Художники и музыканты.

Пустили трамвай ленинградцы.

15 апреля 1942 года он снова пошёл по городу. Бежит он по рельсам, наполняет город весёлым трамвайным звоном.

Любуются люди:

– Смотри – пошёл!

– Пошёл!

– Пошёл!

Бежит, бежит по Ленинграду ленинградский трамвай. Вместе со всеми живёт и борется.

Гнедой

В одной армии, оборонявшей Ленинград служил солдат-возчик по фамилии Гнедой.

Нельзя на войне без шутки. Потешались солдаты, приставали к солдату:

– Гнедой, как твой гнедой?

А нужно сказать, что конь у солдата действительно был гнедой, то есть тёмно-коричневой масти. Даже имени не имел этот конь. Просто звали его Гнедой.

Солдат Гнедой был по характеру добрый, отзывчивый, однако на редкость вспыльчив.

Конь тоже по характеру был не злым, однако нет-нет да любил лягнуться.

И снова солдатам для шуток место:

– Оба они с копытами.

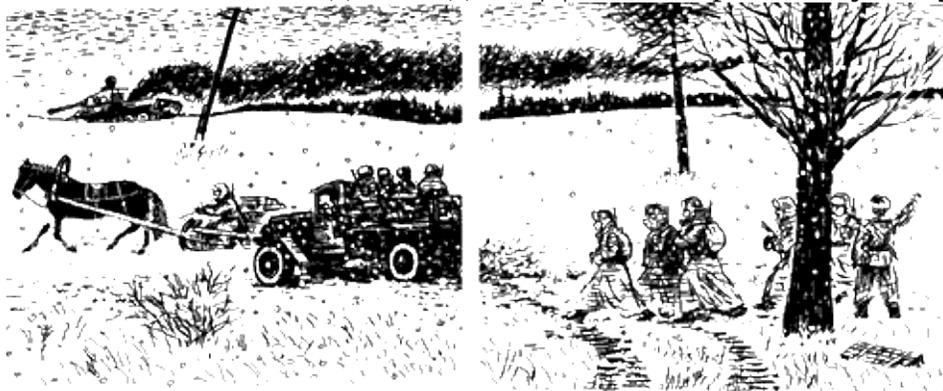
Нелегко пришлось солдатам на Волховском фронте. Фронт проходил в местах болотистых и лесистых. Снега здесь глубокие. Дороги лесные узкие. Трудно в таких местах развернуться машинам или тяжёлой военной технике. Вот и спасали, несли здесь лошади свою лошадиную службу. На санях подвозили боеприпасы на передовую, продовольствие. Вывозили раненых.

Конь Гнедой был всегда здесь в первых. Не знал он усталости, не страшился снарядов, бомб. Сам находил после боя раненых.

– Талант, – говорили о нём солдаты.

А вот и ещё одно. Ехал однажды солдат Гнедой узкой лесной дорогой. Вдруг остановился, запрямился конь.

– Но, но, – погоняет солдат Гнедого. Даже собирался кнутом ударить.

Не сдвинулся конь. Упёрся столбом. Поднялся с саней Гнедой. Видит: у самых саней торчит из-под снега мина.

Вытер пот с головы Гнедой.

– Талант, – произнёс Гнедой.

Весной 1942 года на Волховском фронте стало ещё труднее. Начались паводки и разливы. Куда ни ступишь – везде трясины.

Нелегко в такую пору подвозить продовольствие. Ещё тяжелее – сено. Начали лошади голодать. Газеты и те жевали.

Позаботились люди о лошадях. На самолётах к ним прибыло сено. На парашютах спустилось с неба.

С той голодной зимы 1942 года конь Гнедой пристрастился к газетам. Когда снова появилось в достатке сено, не изменил он почему-то своей привычки.

Потешались опять солдаты. Гнедого по холке хлопали:

– Ну как там – про что в газетах? Что в них сегодня писано?

Поворачивались к солдату Гнедому:

– Твой Гнедой больше, чем ты, начитанный.

Во время прорыва ленинградской блокады снова в работе лошади. И здесь подвозили боеприпасы, и здесь вывозили раненых. Сорок раненых под огнём фашистов вывез тогда Гнедой.

Когда отмечали в боях отличившихся, солдат Гнедой получил медаль.

И снова острят солдаты:

– Не тот получил Гнедой.

Конечно, понимали солдаты: заслужил справедливо возчик свою награду. Да только любят солдаты шутку. Нельзя на войне без шутки.

Впрочем, и конь получил награду. Гладил коня Гнедой. Протягивал пайку солдатского хлеба.

– Гнедой, Гнедой, – ласково приговаривал.

И солдаты к нему явились. Раздобыли где-то мешок овса.

– Получай, принимай гостинец.

И дальше сражался конь. Уцелел, не погиб на войне. Ветераном-героем домой вернулся.

Порожки

Войсками Ленинградского фронта командовал генерал (вскоре он стал Маршалом Советского Союза) Леонид Александрович Говоров.

14 января 1944 тогда советские армии получили приказ перейти в наступление и прорвать фашистскую блокаду Ленинграда.

Пошли войска в наступление. Завязали бои с фашистами. Ждёт генерал Говоров, ждут другие генералы на командном пункте фронта первых сообщений от наступающих войск. Вот оно, поступило наконец первое сообщение.

Держит генерал Говоров трубку полевого телефона, слушает. Потеплело лицо. Улыбнулся. Значит, вести хорошие.

– Так, так, – изредка приговаривает Говоров. Слушает, слушает. Но вот чего-то не разобрал. – Как, как? – переспросил. – Повторите, – попросил.

Повторили. Пожал Говоров плечами. Видимо, опять что-то не очень ясное. Вновь повторили.

– Ах, название. Теперь понятно, – сказал Говоров. – Значит, селение так называется?

– Так точно, товарищ командующий, селение, – слышалось в трубке.

Закончил Говоров разговор, повернулся к своим помощникам:

– Поздравляю, товарищи, первый успех наметился. А вот и первый трофей, – генерал сделал паузу, посмотрел на помощников. – Порожки.

– Что порожки? – кто-то не понял.

– Порожки. Деревня с названием Порожки, – сказал Говоров. – Вот первый населённый пункт, который взят в наступлении нашими войсками.

– Порожки! – вырвалось у генералов.

– Порожки, – повторил Говоров. Улыбнулся: – Ну что же – если порожки перешагнули, можно и дальше.

Пошло гулять по фронту:

– Перешагнули через порожки. Переползли.

– Переехали.

– Через порожки прыгнули.

Пошли войска за Порожки дальше. Ударили с севера, ударили с востока. Стремительно развернулось наступление советских войск. Прорвали они полностью фашистскую блокаду города Ленинграда. Погнали врага на запад. Пошли богатырским шагом.

Глава седьмая
Восточный вал

Восточный вал

После Курской победы Советская Армия быстро пошла вперёд. Под ударами наших войск фашисты поспешно отходили на запад.

Широк, и могуч, и прославлен Днепр. Кручи седые стоят, как скалы. Словно ветер, быстра вода.

Здесь, на Днепре, на правом высоком его берегу, и укрепились теперь фашисты. Создали мощную оборону. Несокрушимой стеной подымается правый берег.

Свою оборону на Днепре фашисты назвали «Восточным валом».

Заявили фашисты:

– Непреступен «Восточный вал»!

Даже Гитлер сказал:

– Скорее Днепр потечёт обратно, нежели русские здесь прорвутся.

Подшли наши части к Днепру. И тут же с ходу, без ожиданий, без остановки стали переправляться на правый берег. Устремились войска вперёд.

Не сдержались фашисты:

– Стойте! Куда вы! Перед вами «Восточный вал»!

Переправляться через Днепр Советская Армия начала сразу же в нескольких местах.

Заметались фашисты по правому берегу. И здесь переправа, и там переправа. Гадают, где ожидать удара. Куда посылать резервы?

Доносит фашистским генералам разведка:

– У села Теремцы захвачена противником переправа.
Вступают фашисты в бой. Посылают под Теремцы подкрепление.

Новые вести несёт разведка:

– У села Домантово захвачена противником переправа.

Посылают фашисты сюда подкрепление.

Всё новые, новые вести идут с Днепра:

– Переправа у Припяти!

– Переправа южнее Припяти!

Много уже переправ.

– Переправы на север от Киева.

– Переправы южнее Киева.

– Переправы возле города Кременчуга!

На огромном пространстве в шестистах километрах от города Лоева до города Днепропетровска вышла Советская Армия к Днепру. И сразу же начала переправы.

Наступают фронты под руководством генералов

Рокоссовского,

Ватутина,

Конева.

Наступают армии

Пухова,

Чибисова,

Черняховского,

Шарохина,

Москаленко,

Манагарова.

И других генералов.

Наступают артиллеристы, танкисты, авиационные соединения и много других частей.

Колоссальная битва идёт за Днепр. Сотрясаются левый и правый берега.

Не ожидали фашисты такого штурма. Затрещал их «Восточный вал».

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования координировал, то есть руководил, согласовывал действия советских войск на Днепре маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Смотрит маршал на переправы. Несокрушимо, как волны, идут войска. Всё больше и больше огня и силы.

Смотрит Жуков на эту силу:

– Вот он – Восточный вал!

Село Шендеровка, село Комаровка

Слева и справа холмы чуть заслонили небо. Между ними лежит равнина. Февраль. Снег укутал холмы и поле. Вдали, чуть виден, стоит ветряк. Ворон над полем раскинул крылья.

Страшно глянуть сюда на поле. И вширь и вдаль, куда только хватает глаз, фашистских мундиров горы. А рядом горы сгоревших танков, разбитые пушки – металла сплошные груды.

В этих местах шла Корсунь-Шевченковская битва.

Корсунь-Шевченковский – город на Украине. Здесь, южнее Киева, недалеко от Днепра, в январе 1944 года, продолжая громить фашистов, советские войска окружили десять дивизий врага.

Предложили наши фашистам сложить оружие. Направили парламентёров. Вручили они фашистскому генералу Вильгельму Штеммерману, который командовал окружёнными гитлеровцами, наши условия.

Отклонил предложение Штеммерман. Отдали ему из Берлина строжайший приказ держаться.

Крепко держались фашисты. Но сжали, сдавили фашистов наши. И вот осталось у фашистов совсем немного – село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин.

Стояла зима. Февраль набирал силы. Вот-вот завьюжит.

Погодой и намеревался воспользоваться Штеммерман. Решил он дожидаться метельной ночи и двинуться на прорыв.

– Не всё, господа, потеряно, – сказал Штеммерман офицерам. – Укроет нас вьюга. Пробьёмся из плена.

– Укроет нас вьюга, – вторят офицеры.

– Укроет нас вьюга, – зашептались солдаты. – Пробьёмся из плена.

Вырвемся.

Ждут все вьюгу. На снег и буран надеются.

Явились буран и снег.

Собрались фашисты в ряды, в колонны. Двинулись на прорыв. В метельную ночь незаметно пройти надеялись. Однако были на страже наши. Зорко следили они за фашистами. Село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин – здесь и грянул последний бой.

Не спасли фашистов февраль и вьюга. Сражались фашисты с напором, с упорством. Шли, как безумные, напролом. Прямо на пушки, прямо на

танки. Однако не у фашистов сила была, у наших.

Страшно после сражения было глянуть на поле битвы. Генерал Штеммерман тоже остался на этом поле. «Укроет нас вьюга», – вспомнил свои слова.

55 тысяч фашистских солдат и офицеров было убито и ранено в Корсунь-Шевченковской битве. Много тысяч попало в плен.

Ходит, гуляет по полю вьюга, укрывает снегом солдат фашистских. Село Шендеровка, село Комаровка, местечко на взгорке Скибин.

Новые погоны

Город Корсунь-Шевченковский называется Шевченковским потому, что здесь недалеко от старинного города Корсуня находится деревня Моренцы. Моренцы – родина великого украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченко. В память о великом украинском кобзаре и назван Корсунь-Шевченковским.

Разгромом фашистских войск под Корсунь-Шевченковским руководил генерал армии Иван Степанович Конев.

Конев заслуженный генерал. И до этого бил фашистов. Войска под его командованием сражались под Москвой, под Калинином. Вместе с другими громили фашистов в Курской битве. Освобождали город Белгород, город Харьков. Штурмовали Днепр и «Восточный вал».

И вот новая победа войск генерала Конева. Завершилась битва под Корсунь-Шевченковским.

Завершилась битва. Вдруг телефонный звонок в штабе у генерала Конева. Звонок из Ставки Верховного Главнокомандующего. У провода сам Верховный. Взял трубку генерал Конев:

– Генерал Конев слушает, товарищ Верховный.

– Маршал Конев, – поправила труба.

Смутился Конев. Не думал. Не ожидал он такой награды.

– Как вы смотрите? Не возражаете? – слышится голос в трубке.

– Благодарю, товарищ Сталин, – ответил Конев. И по-солдатски: – Служу Советскому Союзу.

– Поздравляю, – сказал Верховный.

Промолчал Конев про разговор с Верховным Главнокомандующим. Куда торопиться. Пройдёт ещё время, пока о новом звании генерала Конева сообщат газеты.

Отправился Конев в Моренцы, в родное село Тараса Григорьевича Шевченко. Там находился командный пункт командующего одной из армий, подчинённых Коневу.

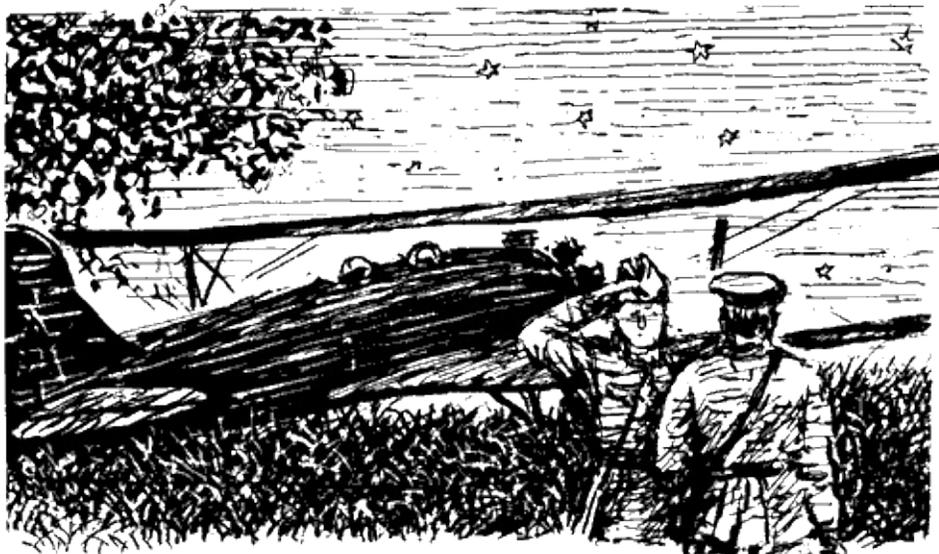
Прибыл Конев. Вытянулся дежурный офицер. Приступил к докладу:

– Товарищ маршал...

Удивился Конев.

– Генерал, – поправил.

– Товарищ маршал, – вновь повторил дежурный.

Оказывается, пока ехал Конев сюда, в Моренцы, уже сообщили из Москвы по радио о новом звании генерала Конева. Окружили Конева боевые товарищи. Поздравляют. Радуются. А тут и ещё одно. Послышался вдруг над Моренцами гул самолёта. Самолёт маленький, связной.

Сел самолёт у самого села, подкатил к главной улице. Вылез из кабины лётчик. Сообщает, что прилетел он от маршала Жукова, разыскивает маршала Конева.

– Здесь маршал Конев, – сказали лётчику.

– Имею пакет для личного вручения.

Проводили лётчика к маршалу Коневу.

– Пакет от маршала Жукова, – докладывает лётчик.

Передал он пакет. Распечатал Конев. В пакете погоны – новенькие, маршальские. Личный подарок маршала Жукова маршалу Коневу.

Удивительным оказалось село Моренцы. Здесь узнал о присвоении ему высокого воинского звания – маршал бронетанковых войск – и ещё один из героев Курской битвы и битвы под Корсунь-Шевченковским прославленный танковый генерал Павел Алексеевич Ротмистров.

Вот так село Моренцы. Село – шевченковское, а теперь и маршальское.

«Багратион»

«Багратион» – так называлась огромная наступательная операция, которую провели наши войска, освобождая Советскую Белоруссию.

Проходила она летом 1944 года.

Пётр Багратион – сподвижник и ученик Александра Суворова, ближайший соратник Михаила Кутузова. Это был решительный генерал. Называли его генерал-атака. Такой же решительной, наступающей была и Белорусская операция. Принимали в ней участие войска четырёх фронтов.

Долго и скрытно готовилась операция. Составлялись планы. Намечались места ударов. Подвозилось новое вооружение, горючее, боеприпасы. Сосредоточивались в нужных местах войска.

В июне 1944 года Белорусская стратегическая операция «Багратион» началась. Сразу четыре фронта пошли в грандиозное наступление. Наши наступали с севера, востока и юга.

Устремились войска вперёд, сломали фашистскую оборону. И вот с фронтов одно за одним сообщения:

– Наши войска окружили фашистов под городом Витебском.

Вступили в Жлобин.

Фашисты бегут из Орши.

Взят Могилёв.

Фашисты окружены под Бобруйском.

Взяты Слуцк,

Борисов,

Вилейка,

Несвиж.

И вот самое важное. 3 июля 1944 года наши войска освободили столицу Советской Белоруссии город Минск. Не только освободили Минск, но восточнее города окружили фашистов, загнали в большой «котёл». Дальше пошли войска. И снова идут сообщения:

– Взяты Полоцк,

Молодечно,

Ошмяны,

Лепель.

Наши в Барановичах!

Наши в Гродно!

Пинск встречает освободителей.

Лида свободна!

Свободен Слоним!

Всё дальше, дальше отодвигается линия фронта. Всё больше белорусской земли свободной. Продолжают войска наносить удар.

Собрались как-то командующие всех четырёх фронтов, гнавших по белорусской земле фашистов, – генералы Рокоссовский, Черняховский, Баграмян, Захаров. Собрались другие военачальники. Вместе со всеми и представители Ставки Верховного Главнокомандования маршалы Жуков и Василевский.

Посмотрел на соратников маршал Жуков:

– Не посрамили, выходит, память.

Догадались советские генералы:

– Багратиона?

– Багратиона, – ответил Жуков.

«Инженерная операция»

Белоруссия – край болот. Царица трясин и топей. Сражаться в таких местах и легко и трудно. Легко в обороне стоять. Наступать по болотам трудно.

Готовился план разгрома фашистов под городом Бобруйском. На пути к Бобруйску находился город Паричи. Паричи стоят на реке Березине. Решался вопрос, с какой стороны ударить на Паричи: с юга, с правого берега Березины, или с востока, с левого её берега.

Впрочем, по всем военным наукам ударить здесь можно было только с востока. На юг от Паричей тянулись болота: те самые – белорусские, бездонные.

Ясно фашистам: если и будет удар на Паричи, так только с востока. Ясно и нашим, что если идти на Паричи, то, конечно, с востока только.

Ясно-то ясно, однако душа у наших командиров не лежит к тому, чтобы идти с востока. Укрепились здесь сильно фашисты. Ждут отсюда они удара. Пристреляли дороги, тропы. Разложили фугасы, мины.

Армией, которая должна была здесь наступать, командовал генерал Павел Иванович Батов. Ломает над планом операции голову Батов. Ездит на левый берег Березины, туда, где сухо, где и надо наступать по всем военным наукам; ездит на правый, туда, где болота, где по этим самым наукам наступать категорически нельзя. Замечают солдаты, что генерал всё чаще и чаще ездит на правый берег.

Армия Батова входила в состав 1-го Белорусского фронта. Командовал фронтом генерал Константин Константинович Рокоссовский. И Рокоссовский ломает голову. Всё обдумывает операцию. Ездит на левый берег Березины, ездит на правый. Всё чаще и чаще на правый ездит.

Координировал действия наших войск на этом участке фронта представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. И Жуков над тем же вопросом ломает голову. Ездит на Березину, на левый, на правый берег. Всё чаще на правый ездит. По болотам в раздумье бродит.

Нужно сказать, что тайно ездят они к болотам. Скрывают свои поездки. Ясно одно: не дают им покоя болота.

И вот здесь неожиданно встретились маршал и генералы.

– Здравия желаем, товарищ маршал, – поприветствовали маршала генералы.

– Здравия желаю, товарищи генералы, – ответил Жуков. Глянул на генералов: – Что же вас сюда привело?

– Да так, – пожали плечами Рокоссовский и Батов, – урвалась минута отдыха. Места здесь сказочные.

Ответили генералы и сами к маршалу:

– Чем обязаны вашим присутствием, товарищ маршал?

– Да так, детство чего-то вспомнил, давно не ходил по болотам, – ответил Жуков.

Глянул Жуков на Рокоссовского, на Батова, глянули Батов и Рокоссовский на Жукова – рассмеялись маршал и генералы. Ясно им, почему они встретились. Ясно каждому, что привело их сюда, в трясины.

– Значит, тревожат болота? – спросил Жуков.

Наступил день начала операции под Бобруйском. Ударили наши войска.

Смотрят фашисты: всё верно, всё по военной науке – с левого, с сухого берега Березины ударили русские. Бросили они все силы сюда на отражение нашего удара. Втянулись войска в сражение. И вдруг:

– Русские с юга!

– Как с юга? Там же трясины, болота, топи!

Всё верно. Из болота выходят русские.

Словно лесные призраки, появлялись из болот советские танки и пушки. Удар был стремительным, неожиданным. Пали Паричи. Части пошли к Бобруйску.

Немало потрудились наши военные инженеры и строительные батальоны. До малейшей тонкости всё рассчитали, всё проверили и перепроверили. Это они проложили здесь гати и настилы, по которым затем прошли советские танки и артиллерия. Это их труд и принёс победу.

«Инженерная операция» – так был назван удар под Паричами.

Хатынь

Солдат Желобкович шагал со всеми. По белорусской земле, по отчому краю идёт солдат. Всё ближе и ближе к родному дому. Деревня его – Хатынь.

Шагает солдат, к друзьям боевым по роте:

– Не знаешь Хатыни? Хатынь, брат, лесное чудо!

И начинает солдат рассказ. Деревня стоит на поляне, на взгорке. Лес расступился здесь, солнцу дал волю. Мол, тридцать домов в Хатыни. Разбежались дома по поляне. Колодцы скользнули в землю. Дорога метнулась в ели. И там, где дорога прижалась к лесу, где ели упёрлись стволами в небо, на самом бугре, на самом краю Хатыни, он и живёт – Иван Желобкович.

И напротив живёт Желобкович. И слева живёт Желобкович. И справа живёт Желобкович. Их, Желобковичей, в этой Хатыни, как скажут, хоть пруд пруди. Шёл воин к своей Хатыни.

Дом вспоминал. Тех, кто остался в доме. Жену он оставил. Старуху мать, трёхлетнюю дочь Маришку. Шагает солдат, Маришке несёт подарок – ленту в её косичку, ленту красную, как огонь.

Быстро идут войска. Вскоре увидит воин старуху мать. Обнимет старуху мать. Скажет солдат:

– Пришёл!

Вскоре увидит солдат жену. Расцелует солдат жену. Скажет солдат:

– Пришёл!

На руки возьмёт Маришку. Подбросит солдат Маришку. Скажет и ей:

– Пришёл!

Вынет солдат гостинец:

– На, получай, Маришка!

Шёл воин к своей Хатыни. О друзьях, о соседях думал. Вскоре увидит всех Желобковичей. Увидит Яцкевичей, Рудаков, Мироновичей. Улыбнётся солдат Хатыни. Скажет солдат:

– Пришёл!

Вышли они к Хатыни. Рядом совсем, в километре от этих мест.

Солдат к командиру. Мол, рядом деревня. Вот тут, мол, овражек, за оврагом лесочек. Прошёл лесочек, и вот Хатынь. Выслушал ротный.

– Ну что же, – сказал, – ступай.

Шагает солдат к Хатыни. Вот и овражек. Вот и лесочек. Вот-вот и

избы сейчас покажутся. Сейчас он увидит мать. Сейчас он жену обнимет. Маришке вручит подарок. Подбросит Маришку к солнцу.

Прошёл он лесочек. Вышел к поляне. Вышел – и замер. Смотрит, не верит – нет на месте своём Хатыни. На пепелище трубы одни торчат.

Остановился солдат, закричал:

– Где люди?! Где люди?!

Погибли в Хатыни люди. Взрослые, дети, старухи – все.

Явились сюда фашисты.

– Партизаны! – кричат. – Лесные разбойники!

В сарай согнали фашисты жителей. Сожгли всех людей в сарае. Подбежал солдат к отчему дому. Рухнул на пепел. Зарыдал, застонал солдат. Отлетел, выпал из рук гостинец. Затрепетала, забила от ветра лента. Взвилась красным пламенем над землёй.

Хатынь не одна. На белорусской земле фашисты много сожгли деревень, много Хатыней было.

Мишка

Солдатам одной из сибирских дивизий в те дни, когда дивизия отправлялась на фронт, земляки подарили маленького медвежонка. Освоился Мишка с солдатской теплушкой. Важно поехал на фронт.

Приехал на фронт Топтыгин. Оказался медвежонок на редкость смышлёным. А главное, от рождения характер имел геройский. Не боялся бомбёжек. Не забивался в углы при артиллерийских обстрелах. Лишь недовольно урчал, если разрывались снаряды уж очень близко.

Побывал Мишка на Юго-Западном фронте, затем – в составе войск, которые громили фашистов под Сталинградом. Потом какое-то время находился с войсками в тылу, во фронтовом резерве. Потом попал в составе 303-й стрелковой дивизии на Воронежский фронт, затем на Центральный, опять на Воронежский. Был в армиях генералов Манагарова, Черняховского, вновь Манагарова. Подрос медвежонок за это время. В плечах раздался. Бас прорезался. Стала боярской шуба. В боях под Харьковом медведь отличился. На переходах шагал он с обозом в хозяйственной колонне. Так было и в этот раз. Шли тяжёлые, кровопролитные бои. Однажды хозяйственная колонна попала под сильный удар фашистов. Окружили фашисты колонну. Силы неравные, туго нашим. Заняли бойцы оборону. Только слаба оборона. Не уйти бы советским воинам.

Да только вдруг слышат фашисты страшный какой-то рык! «Что бы такое?» – гадают фашисты. Прислушались, присмотрелись.

– Бер! Бер! Медведь! – закричал кто-то.

Верно – поднялся Мишка на задние лапы, зарычал и пошёл на фашистов. Не ожидали фашисты, метнулись в сторону. А наши в этот момент ударили. Вырвались из окружения.

Мишка шагал в героях.

– Его бы к награде, – смеялись солдаты.

Получил он награду: тарелку душистого мёда. Ел и урчал. Вылизал тарелку до глянца, до блеска. Добавили мёда. Снова добавили. Ешь, наедайся, герой. Топтыгин!

Вскоре Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. Вместе с войсками фронта Мишка пошёл на Днепр.

Вырос Мишка. Совсем великан. Где же солдатам во время войны возиться с такой громадой. Решили солдаты: в Киев придём – в зоосаде его поселим.

Однако миновала дорога в Киев. Прошла их дивизия стороной. Не остался медведь в зверинце. Даже рады теперь солдаты.

С Украины Мишка попал в Белоруссию. Принимал участие в боях под Бобруйском, затем оказался в армии, которая шла к Беловежской пуце.

Беловежская пуца – рай для зверей и птиц. Лучшее место на всей планете. Решили солдаты: вот где оставим Мишку.

– Верно: под сосны его. Под ели.

– Вот где ему раздолье.

Освободили наши войска район Беловежской пуци. И вот наступил час разлуки. Стоят бойцы и медведь на лесной поляне.

– Прощай, Топтыгин!

– Гуляй на воле!

– Живи, заводи семейство!

Постоял на поляне Мишка. На задние лапы поднялся. Посмотрел на зелёные гуци. Носом запах лесной втянул.

Пошёл он валкой походкой в лес. С лапы на лапу. С лапы на лапу.

Смотрят солдаты вслед:

– Будь счастлив, Михаил Михалыч! – И вдруг страшный взрыв прогремел на поляне. Побежали солдаты на взрыв – мёртв, недвижим Топтыгин.

Наступил медведь на фашистскую мину. Проверили – много их в Беловежской пуце.

Ушла война дальше на запад. Но долго ещё взрывались здесь, в Беловежской пуце, на минах и кабаны, и красавцы лоси, и великаны зубры.

Шагает война без жалости. Нет у войны усталости.

Доложить!

Граница, граница – черта священная. Ворота родной земли. Сколько мечтали о ней солдаты. Представляли в снах, в походах. И вот рядом совсем граница. Завершая операцию «Багратион», подходили солдаты к советской границе.

Спорят солдаты, кто первым к границе выйдет. Чей фронт, дивизия, полк, чья рота. Каждый стремится быстрее к границе. И кто-то ведь будет первым.

Представляют солдаты того, кто первым исполнит великий сыновний долг:

- Будет плечистый!
- Будет высокий!
- Молод, как утро, будет!
- Будут медали висеть на груди у героя!

Двигутся вперед войска. Всё ближе граница, ближе. И вот впереди граница – священный рубеж страны.

Устремились вперед солдаты.

- Ура! – победно гремит над полем.

Считают бойцы последние метры. Вдруг видят – рядом бежит солдат. Всмотрелись бойцы – тот самый. Молод, плечист, высок. На груди две медали огнём сверкают.

- Он, – пронеслось по рядам.
- Он – молодой, тот самый!

Несётся солдат вперед, в атаке, в лихом порыве. Вот тридцать метров осталось, вот двадцать, двенадцать, пять.

Шаг.

Ещё шаг.

Ещё шаг.

Последний победный шаг!

Вышел солдат к границе.

Озарилось улыбкой лицо солдата. Машет рукой другим. Слышат солдаты – кричит солдат:

- Прошу доложить... Прошу доложить... Родине доложить...

Всё громче слова, всё громче. Громом победным летят над полем:

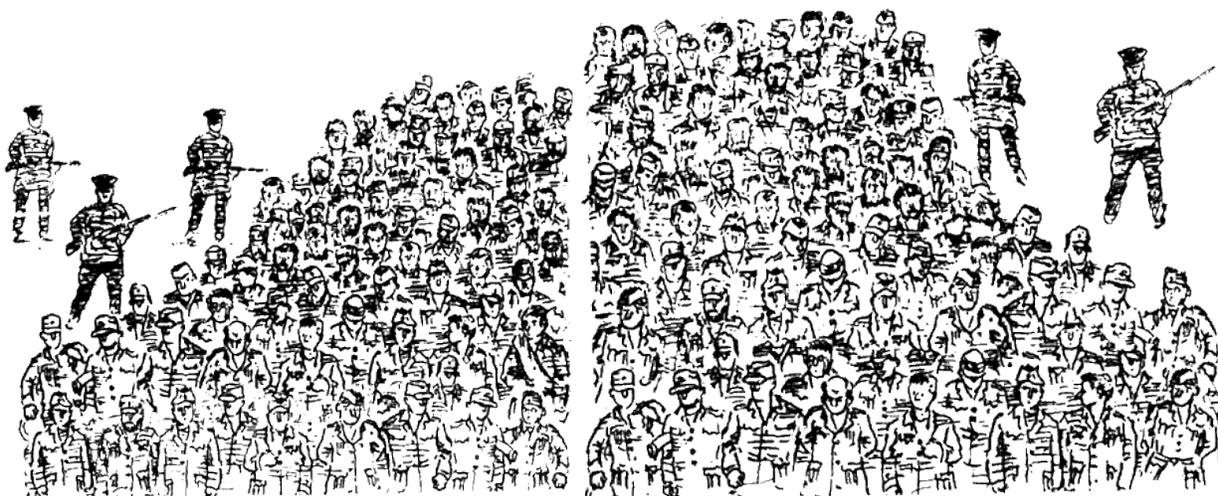
- Доложить!..
- Доложить!..

– Доложить!..

– Родине доложить – вышел солдат к границе!

Граница, граница – черта священная. Ворота родной земли.

Фаталисты

Это был необыкновенный марш – марш фашистов по улицам Москвы. 17 июля 1944 года. Идут фашисты. Шагает за рядом ряд.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Солнце описало дугу по небу. А они всё идут и идут.

Идут генералы. Мечтали они о Москве. Ещё в 1941 году дали фашистские генералы клятву вступить в Москву. Рухнули тогда мечты генеральские. Битыми были они под Москвой.

– Ничего, ничего, – успокаивали генералы друг друга. – Мы – фаталисты! (Фаталист – это тот, кто упрямо верит в свою судьбу.) Быть нам в Москве. Непременно быть.

Наступило лето 1942 года. Снова успех на стороне фашистов. Подошли к Сталинграду, к берегу Волги.

Торжествуют фашисты:

– Вот он, великий час. Ещё нажим – и наш Сталинград. А за ним и Москва непременно наша.

Не получился у них нажим. Зажали, пленили фашистов тогда у Волги.

– Ничего, ничего, – успокаивают вновь друг друга фашистские генералы. – Мы – фаталисты! Мы – фаталисты! Быть нам с победой. Пройдём по Москве в колоннах.

1943 год. Начали фашисты сражение под Курском.

– Вот он, победы час! Вот он, конец России!

И верно, грянул победы час. Только нашей, советской победы. Вновь разбиты в боях фашисты.

Однако упрямы фашистские генералы. Снова твердят своё:

– Мы – фаталисты! Мы – фаталисты!

Оказались они фаталистами. Свершилось – о чём мечтали. Побывали они в Москве.

1944 год. 17 июля. По улицам Москвы под конвоем советских солдат идут и идут фашисты. Много их – 57 с лишним тысяч. Это только те и только часть тех, кто был пленён советскими войсками во время операции «Багратион». Позорным шагом идут фашисты.

Идут рядовые.

Идут офицеры.

Идут генералы.

Идут час.

Идут два.

Идут три.

Шагают, идут фаталисты. Торжествует кругом Москва.

Глава восьмая

На берлин идут машины

Ночь. Три часа по берлинскому времени

Весной 1945 года советские войска подошли к столице фашисткой Германии городу Берлину. 16 апреля 1945 года началась последняя из грандиозных битв Великой Отечественной войны – битва за Берлин.

16 апреля. Ночь. Три часа по берлинскому времени. Неожиданно мощный огненный шквал обрушился на фашистскую оборону. Это 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Жукова начал прорыв на Берлин.

Укрылось, прижалось к земле всё живое. Молчит, не отвечает фашистская артиллерия. Да и где тут ответить, тут голову трудно поднять, рукой, ногой, даже пальцем и то шевельнуть опасно.

Прижался вместе со всеми к земле и солдат Рушке. Лежит гадает.

Что такое? Ночь. Три часа по берлинскому времени. И вдруг артиллерийский обстрел. Будет прорыв?! Но какой же прорыв ночью? Как идти в темноте в атаку? Как справятся танки? Они-то и днём почти ничего не видят. Как будет стрелять полевая артиллерия? А как в атаку пойдут солдаты? Как?

Силится, но не в состоянии ничего понять Рушке. Может быть, русские так – поугаать решили. Может, спутали просто время.

Ничего не могут понять и другие. В недоумении генералы.

А артиллерия бьёт и бьёт. Загадочное что-то затеяли русские.

30 минут длился ураганный, испепеляющий всё огонь. Но вот так же неожиданно как он начался, так и оборвался огненный шквал. Замерло всё.

Затихло. Тишина над позициями.

Высунулись из-за своих укрытий уцелевшие фашистские солдаты. Высунулись офицеры. Высунулись генералы. Смотрят.

Что случилось, поначалу никто не понял. В глаза фашистам вдруг ударили, брызнули, ослепили десятки невиданных солнц.

Закрыли глаза фашисты. Что такое?! Снова открыли. Светло впереди, как днём. «Что такое?» – в недоумении Рушке. Свет шёл, жёг, пепелил глаза. Забегали страшные тени. «Что же случилось?» – гадают Рушке.

Так и не понял солдат. Не узнал. Ударил в этот момент снаряд. Не осталось даже пятна от Рушке.

Сообразили наконец фашисты – так это же прожекторы!

Да, это были мощные советские прожекторы. На многие километры протянулись они вдоль линии фронта. И вот теперь, вспыхнув все разом, ночь превратили в день.

Слепит неприятеля свет, бьёт фашистам в глаза.

Помогает свет нашим войскам. Освещает дорогу танкистам, помогает артиллеристам, пехотинцам и всем другим.

В растерянности фашисты. Да, не бывало ещё такого!

Катится на них несокрушимо победный вал.

А в воздух уже поднялись, уже гудят советские самолёты. Довершают они удар. Невиданной силы удар! Невиданной дерзости.

ДЫМЫ

Прорывают войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова фашистский фронт.

И в это время чуть южнее прорывают фашистскую оборону войска 1-го Украинского фронта, которым командует маршал Конев.

Но если войска Жукова прорывали фронт ночью, ослепив фашистов светом прожекторов, то у маршала Конева всё обстоит иначе, и даже наоборот.

Здесь линия фронта проходит по реке Нейсе. Чтобы прорвать гитлеровскую оборону, надо перейти Нейсу. Надо её форсировать. Реку в минуту не перейдёшь. Необходимо навести переправы, мосты. Дело это сложное, небыстрое. Незаметно для противника не создашь переправы. Поэтому не свет тут нужен; а нужна темнота.

– Есть темнота, – доложили маршалу лётчики.

– Есть темнота, – доложили инженерные части.

Поднялись в небо советские самолёты. Вышли к берегу Нейсы инженерные роты. Поставили они над Нейсой дымовую завесу. Укрыли дымом и Нейсу и наш и неприятельский берег. Ясно фашистам – готовятся русские к наступлению. Но где, в каком месте? Когда?

Фронт перед войсками маршала Конева широкий – 390 километров. Вот и гадай, в каком месте начнётся прорыв, где наводят мосты, куда подгоняют плоты и лодки.

Заметались фашисты. В напряжении гитлеровские генералы. Разослали вдоль всего фронта посыльных. Торопят с донесениями.

Звонят они на первый участок:

– Что там у вас?

Отвечают с участка:

– Дым и дым кругом.

Звонят на другой участок фронта:

– Что там у вас? Как противник? Что видно?

– Ничего не видно. Кругом дымы.

Соединяются с третьим участком:

– Как обстановка? Как ведут себя русские? Доложите, что видите.

– Видим дымы.

– Дымы, – доложили с четвёртого участка.

– Дымы, – доложили с пятого.

«Дымы, дымы, дымы...» – идут сообщения с шестого, седьмого... десятого.

Погода тихая, безветренная. Воздух почти не движется. Дым не колышется. Висят над Нейсой дымы, укрывают советские части.

Мечутся фашистские генералы, гадают, в каком же месте советские войска начнут атаку, где наводят они переправы, откуда ждать появления русских. Где сосредоточить главные силы. Будь вы прокляты, эти дымы!

Подготовились советские части к прорыву. Но прежде и здесь началась мощная артиллерийская атака. Час сорок минут стреляли, не умолкая, пушки. Затем войска бросились форсировать Нейсу. Затем снова сорок пять минут содрогалась земля от выстрелов. Это была помощь тем, кто уже переправился на западный берег Нейсы.

Помогли дымы. Только в месте главного прорыва наши войска навели 133 переправы.

Рванулись советские войска вперёд. У фашистов было три полосы обороны.

Не устояла первая полоса – рухнула.

Не устояла вторая полоса обороны – пала.

Прорвали войска маршала Конева третью оборонительную полосу.

Позади фашистская оборона. Проплывают дымы над Нейсой.

Под Штеттином

Войска маршала Рокоссовского – 2-й Белорусский фронт – не должны были идти на Берлин. Они лишь помогали армиям Жукова, прикрывали их правый фланг. Главная задача Рокоссовского – нанести удар по фашистам севернее Берлина и идти дальше на запад навстречу наступающим с запада американцам и англичанам.

У каждого из советских маршалов был свой план наступления. Маршал Жуков начал прорыв ночью, ослепив противника светом прожекторов. Маршал Конев, наоборот, приказал поставить дымовую завесу.

Был свой план и у маршала Рокоссовского. Стал он сосредоточивать войска у города Штеттина. Двигутся сюда дивизии.

Зорко следят за тем, что делается в наших войсках, фашисты. Ведут разведку.

Идут к Штеттину колонны советских войск. Видят – в небе появился фашистский самолёт-разведчик. Хороший разведчик у фашистов. И с виду он необычный – два фюзеляжа у самолёта. Когда смотришь с земли, кажется: летит в воздухе рама. «Рама» – так и называли фашистский самолёт-разведчик наши бойцы.

Закружила над советскими войсками «рама». Высматривает, засекает, куда движутся войска, фотографирует.

– Что же нет истребителей? – заволновались солдаты.

Но вот появились в небе три советских истребителя. Довольны солдаты. Попалась «рама». Будут щепки сейчас от «рамы». Но что такое? Проходят истребители мимо.

– Эх вы, слепые, горе-соколы! – кричат солдаты. – Да вот же она, вот же, левее от вас!

Не видят «раму» советские истребители. Прошли стороной, скрылись за горизонтом.

Двигалась вместе с советскими войсками зенитная установка. Развернули солдаты пушку, решили сами покончить с «рамой». Только развернули, только прицелились, подъехал генерал.

– Отставить! – скомандовал генерал.

Поражаются зенитчики и солдаты.

Вскоре появилась вторая «рама». Вновь приготовили зенитчики пушку, и снова команда:

– Отставить!

«Что такое?» – разводят руками солдаты.

Докладывают фашистские разведчики гитлеровским генералам:

– К Штеттину движутся советские войска.

Хорошо действуют фашистские разведчики. Не только докладывают, что движутся советские войска, но и уточняют, сколько их и какие части идут:

– Три танковых корпуса.

– Две общевойсковые армии.

– Очень много переправочных средств. (Рядом со Штеттином протекает широкая река Одер.)

Всё ясно фашистским генералам. Вот где маршал Рокоссовский начнёт прорыв – тут на Одере, возле Штеттина.

Собрали фашистские генералы поспешно с других участков фронта сюда войска. Приготовились. Ждут удара маршала Рокоссовского.

И Рокоссовский ударил. Только не тут. Не у Штеттина. А намного южнее Штеттина, там, где вовсе его не ждали.

Движение же войск под Штеттин – это был всего-навсего обманый манёвр.

Прорвали войска 2-го Белорусского фронта оборону фашистов. Стремительным шагом пошли вперёд.

На Берлин идут машины

Он стоял на перекрёстке – русский труженик солдат. На Берлин идут машины. У бойца в руках флажок. Взмах флажком:

– Сюда машины!

На Берлин идут машины, танки справа, пушки слева, пушки справа, танки слева. Час идут, второй и третий. Не предвидится конца.

Он стоял на перекрёстке. Он смотрел на эту силу. И бывшее шло на память. Год за годом. Шаг за шагом.

Вот он первый – сорок первый. Год-страдалец. Год-герой. Сколько отдано земель. Сколько отдано друзей. Сколько слёз страной пролито. Но и в этот первый год не терял боец надежды. Верил он тогда в победу – быть победе над фашизмом. А сейчас стоит и смотрит: неужели под Берлином?!

Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Мощь идёт. Гудят машины. Сотрясается земля.

Год за годом. Шаг за шагом. Сколько горя позади. Гнули, гнули нас фашисты. Всё, казалось, шаг – и всё. Но в минуты те крутые у Москвы, у Сталинграда не терял солдат надежды. Верил он тогда в победу – быть победе над фашизмом.

А сейчас стоит и смотрит. Неужели под Берлином?! Смотрит он, солдат Перфильев. Верит в это и не верит. Под Берлином! Под Берлином! Шаг один, и ты в Берлине!

Год за годом. Шаг за шагом. Устояли наши в битвах. Вся страна ковала силу. Фронтом был и фронт и тыл. Вся страна ковала силу, и настал момент счастливый – дрогнул враг. И перед силой затрещала, сникла сила.

Отшагало время сроки, отсчитало рубежи. И Перфильев под Берлином.

Вот стоит на перекрёстке русский труженик солдат. Взмах флажком:

– Сюда машины!

На Берлин идут машины. Пушки слева, танки справа. Слева танки, пушки справа. День и ночь шагает сила. Мощь идёт. Под весом этим содрогается планета. Мощь идёт. Под весом этим прогибается земля.

Из Англии? Из Америки?

Двигутся и движутся советские войска. Бесконечным потоком шагает техника. С удивлением смотрят немецкие жители на это железное шествие.

Разные ложные слухи распускали о нас фашисты. Внушили они немецким гражданам, что у Советской Армии нет хорошего вооружения. А если что и есть, то всё это либо из Америки, либо из Англии.

Идут и идут войска. Наиболее смелые и любопытные немцы подходят к советским бойцам, задают им вопросы.

Как раз проходили танки.

Подходят жители, спрашивают:

– Из Америки?

– Что-что? – поразились танкисты.

– Из Америки? – переспросили жители.

– Нет, – отвечают танкисты.

– Из Англии?

Рассмеялись танкисты:

– Да нет же. Из Советского Союза. – И уточняют: – С Урала.

Поражаются жители. Косо, недоверчиво на советских солдат смотрят.

Прошли танки, движется артиллерия. Смотрят жители на грозные пушки, обращаются к артиллеристам:

– Американские?

– Что-что? – не понимают артиллеристы.

– Американские? – повторяют жители.

– Нет, – отвечают артиллеристы.

– Английские? – спрашивают жители.

– Нет, – отвечают артиллеристы.

– Из Австралии, из Канады?

– Да нет же, – отвечают артиллеристы. – Наши, советские пушки.

Отличные пушки имела Советская Армия. И грозные, стрелявшие на много километров. И противотанковые, и зенитные. И наконец, знаменитые «катюши». Много оружия нужно армии. Много первоклассных танков и много пушек. Создали советские люди такое оружие.

Двигутся войска, продвигается техника. А в небе эскадрилья за эскадрильей идут самолёты. Запрокинули немцы головы, смотрят на эту небесную мощь. Обращаются к советским солдатам:

– Американские?

- Что-что? – не поняли солдаты.
- Самолёты из Америки? – переспросили немцы.
- Нет, – рассмеялись солдаты.
- Из Англии?
- Нет, – отвечают солдаты.
- Из Австралии, из Канады?
- Да нет же, – отвечают солдаты.
- Из... из... – соображают немцы, какую бы ещё назвать страну.
- Да нет же, – смеются солдаты. – Это наши, советские самолёты.

Отличной в годы войны стала советская авиация. Намного лучше она фашистской. Много заводов построили советские люди. Много новых машин придумали советские авиаконструкторы. Нет недостатка советским асам в первоклассной советской воздушной технике. Смотрят жители немецких городов на летящие самолёты, на пушки, на танки. Поражаются жители:

– Русские!

Поправляют солдаты:

– Наши, советские!

В Берлинской операции мы намного превосходили фашистов силой своего вооружения. Уступали, не могли фашисты тягаться с нами.

Олени

Произошло это под городом Фюрстенвальде, недалеко от Берлина.

Места здесь красивые. Лес. Равнина. Лес слева. Лес справа. Широкое поле между.

Укрывшись на обочине леса, советские батареи вели огонь. Уходили снаряды в небо. Возвращались из леса эхом.

Вообще здесь большие велись бои. У крайней пушки был старшим сержант Сорокин. Глянул Сорокин, что там такое. Вышло из леса оленье стадо. Вожак во главе. Богатырь. Красавец. Развесил рога, как ветви.

Остановились олени. Ясно: хотят перейти через поле. То ли к водопою их вёл вожак, то ли спугнула война оленей. Застыли звери.

– Да ступайте! – кричит им Сорокин.

Стоят. Не решаются. Посмотрел командир орудия на солдат.

– Стой! – закричал заряжающему. – Отставить!

Прекратило огонь орудие.

Рядом с этой вторая стояла пушка. Слышат слева – не выстрелила пушка справа. Что такое? Видят – олени.

– Стой! – дал команду командир и этого орудия. – Отставить огонь!

Замолчало орудие.

Левее этой стояла третья пушка.

Видят артиллеристы на этой пушке – сосед не стрельнул. Что же такое? Повернулись. Видят – стоят олени.

Ясно солдатам, почему не стрельнула пушка. Здесь тоже дана команда. Замолчала и эта пушка.

Четыре орудия на батарее. Следом за третьей замолчала и четвёртая пушка.

Прекратила огонь батарея. Смотрят солдаты на стадо. Стояло, стояло стадо. Тряхнул головой вожак. Двинулось стадо.

– Пошли! Пошли! – закричали солдаты.

Ступает стадо. Идёт вожак. Голову держит, как царь в короне.

Левее первой батареи стояла вторая батарея. И на той батарее четыре орудия. Увидели на второй батарее, что на первой прекратили огонь, увидели и оленье стадо.

– Прекратить огонь! – прошла команда по батарее.

Замолчали орудия. Прекратила огонь батарея.

Левее второй батареи стояла третья. И ни этой оленей видят. И тут

команда – не стрелять!

Стихла канонада над лесом, над полем. Идут, как в строю, олени.

Стихла стрельба из орудий. Вдруг телефон затрещал на батареях.

Звонили с командного пункта.

– Что там такое? Почему прекращён огонь?!

Отвечают:

– Стадо.

– Какое стадо?

– Олени.

– Что олени?

– Идут через поле.

– Олени? Да ну! Красавцы?

– Красавцы!

– Понятно, – ответил голос.

Пересекло поле оленьё стадо. Скрылись в лесу олени.

Гвардейский разговор

Много армий шло на Берлин. Шла и 8-я гвардейская. Армия была прославленной. Отличились её солдаты в боях за Сталинград.

Шагают, идут солдаты.

На одном из последних маршей догнал одну из стрелковых рот командующий 8-й гвардейской армии прославленный герой Сталинграда генерал Василий Иванович Чуйков.

– Генерал... Генерал... Сам Чуйков! – зашептались солдаты.

Увидел Чуйкова ротный:

– Смирно!

Подтянулись солдаты, ударили в землю парадным шагом.

– Вольно! – сказал Чуйков.

– Вольно! – подал команду ротный.

Приказал генерал Чуйков остановить солдат.

Остановились солдаты. Смотрит на них генерал:

– Ну что ж, дошагали, выходит.

– Дошагали!

– Рядом Берлин.

– Рядом! – дружно в ответ солдаты.

Смотрит генерал на солдат, на лица, на ордена. К одному, к другому:

– Сталинградец?

– Сталинградец!

– Сталинградец?

– Сталинградец!

Снова солдат понравился:

– Сталинградец?

– Так точно, товарищ командующий.

Посмотрел на орден. Опять на солдата. Признал солдата.

– Никак, орден тебе вручал?

– Так точно, товарищ командующий.

Похлопал Чуйков солдата по плечу, посмотрел на него внимательно. Гимнастёрка. Пилотка. Ремень. Строен солдат. Подтянут.

– Хорош, – хвалит Чуйков. – Хорош. Гвардеец. Сталинградский орёл!

Сказал про орла, глянул на ноги. На гвардейские ноги. Истрепались, исхлестались на дальних дорогах солдатские сапоги. Вот-вот – и совсем развалятся.

Вслед за генералом Чуйковым посмотрел и ротный на солдатские сапоги, посмотрел и взводный. Старшина из хозяйственной части глянул: да, не гвардейские сапоги.

Обратился генерал Чуйков к солдату с укором:

– Что же это у тебя, брат, сапоги такие? Дрянь сапоги!

Повернулся к офицерам, к старшине и им:

– Дрянь сапоги.

– Так точно, дрянь, – ответили офицеры.

– Так точно дрянь, товарищ командующий, – ответил старшина.

Все повернулись, смотрят на солдата. Вытянулся солдат по команде «смирно». И вдруг:

– Никак нет, товарищ генерал.

– Что никак нет? Дрянь, говорю, сапоги.

– Никак нет. Отличные сапоги, товарищ командующий, – опять о своём солдат. Подтянулся, руки по швам: – Сталинградские, – произнёс.

– Так точно, товарищ генерал, – подтвердили ротный и взводный, – сталинградские.

– Не желает менять, – сказал старшина.

– Сталинградские?!

Улыбнулся Чуйков, улыбнулись другие солдаты.

– Ну что ж, шагай, молодец, – произнёс Чуйков.

Дошли до Берлина сталинградские сапоги.

«Данке шён»

На одной из берлинских улиц остановилась походная кухня. Только что откипели кругом бои. Ещё не остыли от схваток камни. Потянулись к еде солдаты. Вкусна после боя солдатская каша. Едят в три щеки солдаты.

Хлопочет у кухни Юрченко. Сержант Юрченко – повар, хозяин кухни. Хвалят солдаты кашу. Добрые слова приятно сержанту слушать.

– Кому добавки? Кому добавки?

– Ну что ж – подбрось, – отозвался ефрейтор Зюзин.

Добавил Юрченко Зюзину каши. Снова у кухни возится. Вдруг чудится Юрченко, словно бы кто-то в спину солдату смотрит. Повернулся – и в самом деле. Стоит в подворотне ближайшего дома с вершок, с ноготок мальчонка, на Зюзина, на кухню глазами голодными смотрит.

Сержант поманил мальчишку:

– Ну-ка ступай сюда.

Подошёл тот к солдатской кухне.

– Ишь ты, неробкий, – бросил ефрейтор Зюзин.

Взял Юрченко миску, наполнил кашу. Даёт мальшу.

– Данке шён, – произнёс мальш. Схватил миску, умчался в подворотню.

Кто-то вдогонку бросил:

– Миску не слопай, смотри верни!

– Э-эх, наголодался, видать, – заметил Зюзин.

Прошло минут десять. Вернулся мальчишка. Тянет миску, а с ней и свою тарелку. Отдал миску, а сам на тарелку глазами косит.

– Что же тебе, добавки?

– Битте, фюр швестер, – сказал мальчишка.

– Для сестрёнки просит, – объяснил кто-то.

– Ну что же, тащи и сестрёнке, – ответил Юрченко.

Наполнил повар тарелку кашей.

– Данке шён, – произнёс мальчишка. И снова исчез в подворотне.

Прошло минут десять. Снова малыш вернулся. Подошёл он к походной кухне. Тянет тарелку:

– Битте, фюр муттер. (Просит для матери.)

Рассмеялись солдаты:

– Ишь ты какой проворный!

Получил и для матери мальчик каши.

Мальчонка был первым. Вскоре возле походной кухни уже группа ребят собралась. Стоят в отдалении, смотрят на миски, на кухню, на кашу.

Едят солдаты солдатскую кашу, видят голодных детей, каша не в кашу, в солдатские рты не лезет. Переглянулись солдаты. Зюзин на Юрченко, на Зюзина Юрченко.

– А ну, подходи! – крикнул ребятам Юрченко.

Подбежали ребята к кухне.

– Не толпись, не толпись, – наводит порядок Зюзин. Выдал ребятам миски. Построил в затылок один другому.

Получают ребята кашу:

– Данке шён!

– Данке шён!

Наголодались, видать, ребята. Едят в три щеки ребята.

Вдруг в небе над этим местом взвыл самолёт. Глянули вверх солдаты. Не наш самолёт – фашистский.

– А ну по домам! А ну по домам! – погнал от кухни ребят ефрейтор Зюзин.

Не отходят ребята. Ведь рядом каша. Жаль расставаться с кашей.

– Марш! – закричал ефрейтор.

Пикирует самолёт. Отделилась бомба. Летит.

Бросились дети в разные стороны. Лишь Зюзин один замешкался. Ударил бомба – ни кухни, ни Зюзина. Лишь каша, словно живая, ползёт по камням, по притихшей улице.

Бронзой поднялся в небо

Солдат не мечтал, не гадал, не думал. А вышла слава ему в века. На пьедестале к небу солдат поднялся.

Было это в последние дни войны. Уже не километры, а метры оставались до центра Берлина. Солдаты 8-й гвардейской армии готовились к последним боям. В числе их и солдат Николай Масалов. Был он знаменщиком 220-го гвардейского стрелкового полка. Приготовил к атаке знамя.

Ждут солдаты сигнала к бою. Перед ними один из каналов, отходящих от Шпрее. Рядом площадь. За площадью мост. Называется он Горбатым. Мост заминирован, под огнём у противника. Атаку на мост, на тот берег скоро начнут солдаты.

Притихли солдаты. Так всегда перед штурмом. Где-то гремят орудия, где-то идёт стрельба. Но это не здесь. Это в других местах. Здесь тишина. Временная. Но тишина. И вдруг тишину – солдаты вздрогнули: было так неожиданно – плачем прорезал детский голос.

Было неясно, откуда он шёл. С набережной? Со стороны площади? От моста? Из развалин неподалёку стоящего дома?

– Мутти! Мутти! Мамочка! – повторял голос.

– Девочка, – кто-то сказал из солдат.

Ищут солдаты глазами девочку. Где же она?

– Мутти! Мутти! – несётся голос.

Определили теперь солдаты. Детский плач шёл от моста. Не видно ребёнка. Камнями от наших, видать, прикрыт.

Вышел вперёд сержант Масалов, подошёл к командиру:

– Разрешите спасти ребёнка.

Подождал командир минуту. О чём-то подумал:

– Разрешаю, сержант Масалов.

Прополз Масалов через площадь к мосту. И сразу же затрещали фашистские пулемёты, забили мины по площади. Прижался солдат к асфальту, ползёт от воронки к воронке, от камня к камню.

– Мутти! Мутти! – не утихает голос.

Вот полпути прополз Масалов. Вот две трети. Осталась треть. Поднялся он в полный рост, метнулся к мосту, укрылся от пуль под гранитной стенкой.

Потеряли солдаты его из вида. И голос ребёнка утих. И солдата не

видно.

Прошла минута, вторая... пять. Волноваться солдаты стали. Неужели смельчак погиб? Неужели погибла девочка?

Ждут солдаты. С тревогой в сторону моста смотрят.

И вот увидели они Масалова. Шёл от моста солдат. Нёс на руках немецкую девочку.

– Жив! – закричали солдаты: – Жив!

Раздалась команда:

– Прикрыть Масалова огнём.

Открыли огонь солдаты. Гремят автоматы, строчат пулемёты. Ударили пушки – словно салют солдату.

Пришёл Масалов к своим. Принёс немецкую девочку.

Оказалось, убили фашисты у девочки мать. Перебегала вместе с девочкой площадь, наверное, женщина. Вот и попала под взрыв, под пули.

Держит девочку Масалов. Прижалась она к солдату. Года ей три. Не больше. Прижалась, всхлипывает.

Обступили бойцы Масалова. На девочку смотрят. Пытаются чем-то от слёз отвлечь. На пальцах козу показывают:

– Идёт, идёт рогатая...

Посмотрела девочка на солдат. Казалось, хотела было сильнее заплакать. Да вдруг взяла и улыбнулась солдатам девочка.

Отгремела война. В Берлине в одном из красивых старинных парков советским солдатам, всем тем, кто спасал и наш и немецкий народ от фашистов, был установлен памятник.

Холм. На холме пьедестал гранитный. На граните фигура солдата. Стоит он со спасённой девочкой на руках.

Не думал солдат, не ведал. А вышло – бронзой поднялся в небо.

Центральное направление

Рядовой Михаил Панкратов только-только был призван в армию. Провожали его родители.

– Не опозорь наш солдатский род, – сказал отец Павел Филиппович.

– Пусть храбрость в бою не покинет тебя, – сказала мать Прасковья Никитична.

Излишни родительские наставления. Горд за судьбу молодой солдат. Рвётся скорее сразиться с фашистами.

Бежит эшелон на запад. Гудит паровоз на подъёмах. Колёса стучат на стыках. Лежит солдат на вагонных нарах, о делах боевых мечтает. Вот гонит, вот гонит, вот бьёт он врага, разит огневым автоматом. Вот смело идёт в разведку, тащит назад «языка». Вот первым бросается в наступление, врывается первым в неприятельский город-крепость, гвардейское знамя вздымает к небу.

Мечтает солдат о подвигах. Скосит глаза на грудь – грудь в боевых наградах.

Торопит судьбу солдат.

– Быстрее, быстрее!.. – кричит паровозу.

– Быстрее, быстрее!.. – кричит вагонам.

Несутся один за одним километры. Пробегают мимо поля, леса, города и сёла.

Вот бы попасть под Берлин, на Центральное направление – лелеет мечту солдат. Улыбнулась судьба солдату – попал на Центральное направление, в армию, шедшую на Берлин.

Рад безумно Панкратов такой удаче. Срочно пишет письмо родителям. Пишет не прямо, время военное – прямо писать нельзя, – пишет намёком, однако понять нетрудно, что на Центральном солдат направлении. «Ждите вестей из Берлина», – кончает письмо Панкратов.

Отправил письмо. Опять о делах боевых мечтает. Вот вступает солдат в Берлин. Вот с победой дома его встречают.

Дождался Панкратов великого дня. Рванулись войска в наступление.

Но что такое?! Ушли войска. Однако задержалась рота Панкратова.

Панкратов и другие бойцы к старшине:

– Что же такое, Кузьма Васильевич?

– Тихо, тихо, – сказал старшина. Голос понизил, ладошку поднёс к губам: – Особое будет для нас задание.

И верно. Прошёл день, посадили бойцов на машины. Глотнули бензин моторы, покатали вперёд машины.

Сидят в кузовах солдаты. Довольны судьбой солдаты. Честь им оказана – особое им задание.

Намотали колёса вёрсты, подкатали машины к огромному полю. Сиротливо, безлюдно поле, изрыто воронками, истерзано ранами.

– Слезай! – прозвучала команда.

Спустились с машин солдаты. Построил бойцов командир.

– Товарищи... – кивнул рукой на поле.

«Что бы такое? – гадают солдаты. – Может, секретный объект на поле? Может, завод или штаб подземный? Может, Гитлер здесь сам укрылся?»

– Товарищи бойцы, – повторил командир, – мы получили почётное задание – вспахать и засеять поле.

Все так и ахнули.

– Вот так почётное! Вот так задание!

Однако приказ есть приказ. За работу взялись солдаты. Но не утихает солдатский гул.

И Панкратов со всеми ропщет:

– Вот так попал на Центральное направление! Что же домой я теперь напишу? Что же сообщу родителям?

В эту минуту и оказался рядом с Панкратовым старшина. Посмотрел старшина на молодого солдата. Сказал не сдержавшись, грубо:

– Молод, того и дурак. Не там, – показал на запад, туда, где догорали бои за Берлин, – а тут, – указал на поле, – и есть Центральное направление. Не для смерти и боя родились люди. Жизнью и миром велик человек.

Притих, умолк Панкратов. Притихли другие солдаты.

Вонзились плуги в весеннюю землю. Радость жизни навстречу
брызнула.

Золу развеял... Рассеял гарь

30 апреля. После полудня. Бои идут рядом с имперской канцелярией.

Личный шофёр Гитлера Кемпке получил приказ раздобыть 200 литров бензина. Принялся Кемпке искать горючее. Нелёгкое это дело. Уже несколько дней, как перерезаны все дороги, ведущие к имперской канцелярии. Не подвозят сюда горючее. Носится Кемпке, выполняет приказ. Сливают бензин из разбитых машин, из пустых баков по капле цедит. Кое-как набрал 100 литров. Доложил.

– Мало, – сказали Кемпке.

Снова носится Кемпке. Снова по каплям цедит. «Зачем же бензин? – гадает. – Бежать? Так ведь поздно. Перерезаны все пути. Если проедем, так сто... двести – от силы – метров. Зачем бензин? Конечно, бежать! Удачлив фюрер. А вдруг прорвёмся?!»

Обшарил Кемпке всё, что мог, даже, рискуя жизнью, на соседние улицы бегал. Набрал ещё 80 литров. Нет больше бензина нигде ни грамма – хоть кричи, хоть умри, хоть лопни.

Доложил Кемпке:

– Сто восемьдесят литров, и больше нигде ни грамма.

Во дворе имперской канцелярии находился сад. Приказали Кемпке в сад притащить горючее. Снёс он сюда канистры. Стоит и опять гадает: «Зачем же в саду бензин?»

А в это время там внизу, в подземелье, у двери, ведущей в комнату Гитлера, стоят в молчании приближённые фюрера. Прильнули к закрытой двери. Ловят малейший звук.

Томительно длится время.

Сегодня утром Гитлер объявил свою волю – он уходит из жизни.

– Немецкий народ не достоин меня! – кричал на прощание фюрер. – Труссы! Пададь! Глупцы! Предатели!

И вот сидит на диване Гитлер. Держит в руке пилюлю с отравой. Напротив уселась овчарка Блонди. Преданно смотрит в глаза хозяину.

Ясно Гитлеру – всё кончено. Медлить нельзя. Иначе завтра плен, и тогда... Страшно о плене ему подумать. Страшится людского гнева.

Поманил фюрер Блонди. Сунул пилюлю. Глотнула Блонди. И тут же – смерть. Позвал щенят. Потянулись глупцы доверчиво. Дал им отраву. Глотнули щенята. И тут же – смерть.

Томятся за дверью приближённые. Переминаются с ноги на ногу.

Ждут роковой минуты.

Камердинер Гитлера Линге посмотрел на часы. Половина четвёртого. Тихо, замерло всё за дверью. Открыли дверь приближённые. Фюрера нет в живых. Мертвы и щенки, и фюрер, и Блонди.

Тело Гитлера завернули в ковёр. Тайным ходом вынесли в сад. Положили у края большой воронки. Облили бензином. Вспыхнуло пламя. Дыхнуло гарью. Пробушевал над ковром огонь. Горстка золы осталась. Дунул ветер. Золу развеял. Очистил воздух. Рассеял гарь.

А в это время, преодолевая последние метры берлинской земли, советские воины поднимались в последний бой. Начался штурм рейхстага.

Последние метры война считает

Начался штурм рейхстага. Вместе со всеми в атаке Герасим Лыков.

Не снилось такое солдату. Он в Берлине. Он у рейхстага. Смотрит солдат на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

С боем прорвались сюда солдаты. В последних атаках, в последних боях солдаты. Последние метры война считает.

В сорочке родился Герасим Лыков. С 41-го он воюет. Знал отступления, знал окружение, три года идёт вперёд. Хранила судьба солдата.

– Я везучий, – шутил солдат. – В этой войне для меня не отлита пуля. Снаряд для меня не выточен.

И верно, не тронут судьбой солдат.

Ждут солдата в далёком краю российском жена и родители. Дети солдата ждут.

Ждут победителя. Ждут!

В атаке, в порыве лихом солдат. Последние метры война считает. Не скрывает радость свою солдат. Смотрит солдат на рейхстаг, на здание. Огромно, как море, здание. Колонны, колонны, колонны. Стекланный купол венчает верх.

Последний раскат войны.

– Вперёд! Ура! – кричит командир.

– Ура-а-а! – повторяет Лыков.

И вдруг рядом с солдатом снаряд ударил. Гроном ухнул огромный взрыв. Поднял он землю девятым валом. Упала земля на землю. Сбила она солдата. Засыпан землёй солдат, словно и вовсе на свете не был.

Кто видел, лишь ахнул:

– Был человек и нет.

– Вот так пуля ему не отлита.

– Вот так снаряд не выточен.

Знают все в роте Лыкова – отличный товарищ, солдат примерный. Жить бы ему да жить. Вернуться бы к жене, к родителям. Детей радостно расцеловать. Да только чудес на земле не бывает. Раз погребённый – не оживает. Пусть земля ему будет пухом.

И вдруг снова снаряд ударил. Рядом с тем местом, что первый. Немногим совсем в стороне. Рванул и этот огромной силой. Поднял он

землю девятым валом.

Смотрят солдаты – глазам не верят. Поднял взрыв землю, а с ней и Лыкова. Поднял, подбросил, даже поставил на ноги.

Жив оказался солдат. Засыпал, отсыпал его снаряд. Вот ведь судьба бывает. Знать, и вправду пуля ему не отлита. Снаряд для него не выточен.

Снова Лыков в атаке, в лихом порыве. Всё ближе и ближе колонны рейхстага. Купол в небе стеклом сверкает. Последние метры война считает.

Победа

- Сержант Егоров!
- Я сержант Егоров!
- Младший сержант Кантария!
- Я младший сержант Кантария!

Бойцов вызвал к себе командир. Советским солдатам доверялось почётное задание. Им вручили боевое знамя. Это знамя нужно было установить на здании рейхстага.

Бойцы взяли под козырёк и ушли. Многие с завистью смотрели им вслед. Каждый сейчас хотел быть на их месте.

У рейхстага идёт бой.

Пригнувшись, бегут Егоров и Кантария через площадь. Советские воины внимательно следят за каждым их шагом. Вдруг фашисты открыли бешеный огонь, и знаменосцам приходится залечь за укрытие. Тогда наши бойцы вновь начинают атаку, и Егоров и Кантария бегут дальше.

Вот они уже на лестнице. Подбежали к колоннам, подпирающим вход в здание. Кантария подсаживает Егорова, и тот пытается прикрепить знамя у входа в рейхстаг.

– Ох, выше бы! – вырывается вздох у наблюдающих бойцов.

И, как бы услышав просьбу товарищей, Егоров и Кантария снимают знамя и бегут дальше. Они врываются в рейхстаг и исчезают за его дверьми.

Бой уже идёт на втором этаже. Проходит несколько минут, и в одном из окон, недалеко от центрального входа, вновь появляется красное знамя. Появилось. Качнулось. И вновь исчезло.

Забеспокоились солдаты. Что с товарищами? Не убиты ли?!

Проходит минута, две... десять. Тревога всё больше и больше охватывает солдат. Проходит ещё тридцать минут, но ни Егорова, ни Кантария, ни знамени больше не видно.

И вдруг крик радости вырывается у сотен бойцов. Знамя цело. Друзья живы. Пригнувшись, они бегут на самом верху здания – по крыше. Вот они выпрямились во весь рост, держат знамя в руках и приветственно машут товарищам.

Потом вдруг бросаются к застеклённому куполу, который поднимается над крышей рейхстага, и осторожно начинают карабкаться ещё выше.

– Правильно, туда его – к самому небу! – кричат солдаты.

– Выше, братишки, выше!

На площади и в здании ещё шли бои, а на крыше рейхстага, на самом верху, в весеннем небе над побеждённым Берлином уже уверенно развевалось Знамя Победы. Два советских воина, русский рабочий Михаил Егоров и грузинский юноша Милитон Кантария, а вместе с ними и тысячи других бойцов разных национальностей сквозь метель и непогоду войны принесли его сюда, в самое фашистское логово, и установили на страх врагам как символ непобедимости советского оружия.

Прошло несколько дней, и фашистские генералы признали себя окончательно побеждёнными. Гитлеровская Германия была полностью разбита. Великая освободительная война советского народа против фашизма закончилась полной нашей победой.

Вскоре в Москве на Красной площади состоялся грандиозный Парад Победы.

Проходят по Красной площади пришедшие с полей великой войны сводные полки. Уверенно солдаты чеканят шаг. И в каждом шаге звучит как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

Идут солдаты. А вот и особая вышла рота. Зашевелились, задвигались люди на площади.

– Что там несут солдаты?

Солдаты несли знамёна поверженной фашистской Германии. Вот бойцы дошли до середины площади. Вот повернулись резко. Шагнули вперёд. Замерло всё на площади. Полетели на землю вражеские знамёна. Легли к ногам победителей.

И снова идут полки. И снова в солдатском шаге, как крик, как эхо: «Победа! Победа! Победа!»

А вечером был салют.

Ликовали земля и люди. Гремели, гремели, гремели залпы. То радость огнями взлетала в небо.

Победа!

Победа!

Победа!

